

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ НАУКА

НАУЧНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

**I МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ**

**ЯЗЫК: СИСТЕМА И
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

Сборник научных трудов

25.06.2015

Нижний Новгород

Язык: система и деятельность: Сборник научных трудов по материалам I международной научно-практической конференции 25 июня 2015 г. Н.Новгород: НОО «Профессиональная наука», 2015. -63 с.

В сборник научных трудов по материалам I международной научно-практической конференции «Язык: система и деятельность» включены 17 статей по всем направлениям филологической науки. В конференции приняли участие 20 научных сотрудников России и зарубежных стран. Сборник адресован ученым, студентам, аспирантам, соискателям, магистрантам, преподавателям-практикам.

Редакционная коллегия:

Плесканиук Т.Н. – главный редактор, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Нижегородского института менеджмента и бизнеса.

Акимова Эльвира Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва.

Грачёв Михаил Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской филологии и общего языкознания Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова.

Радбиль Тимур Беньюминович – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и общего языкознания Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, профессор кафедры прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации НИУ ВШЭ.

Костецкий Виктор Валентинович – доктор философских наук, профессор кафедры общественных и гуманитарных наук Санкт-Петербургской государственной консерватории им Н.А. Римского-Корсакова.

Маркова Татьяна Дамировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка и культуры речи Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова.

Пацюкова Ольга Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и культуры речи Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина (Мининский университет).

Кожарина Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков факультета международных отношений Белорусского государственного университета.

Краснова Наталья Александровна – кандидат экономических наук, доцент кафедры Финансов и банковского дела Нижегородского института менеджмента и бизнеса.

Сартакова Елена Михайловна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры экономики и инвестиций филиала Южно-Уральский государственного университета г. Снежинска.

Сергиенко Елена Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных и европейских языков, директор ресурсного центра итальянского языка Нижегородского государственного лингвистического университета им Н.А. Добролюбова.

Материалы печатаются с оригиналов, поданных в оргкомитет, ответственность за достоверность информации несут авторы статей

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ 1. Русская литература

- Байнин С.В.**
КРИТИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ГРУППЫ «ПЕРЕВАЛ» О ТВОРЧЕСТВЕ «КРЕСТЬЯНСКОГО»
ПОЭТА Н. А. КЛЮЕВА..... 5

СЕКЦИЯ 2. Литература народов Российской Федерации

- Галиева Л.Ш.**
ВЗГЛЯД НА ТВОРЧЕСТВО ГАБДУЛЛЫ ГАЛИЕВА В КОНТЕКСТЕ ТАТАРСКОЙ ПРОЗЫ
О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ..... 9
- Миннуллина Ф.Х.**
ПРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ В ТАТАРСКОЙ ДРАМАТУРГИИ
(НА ПРИМЕРЕ ДРАМ Т.МИНЛУЛЛИНА «ПРОЩАЙТЕ», «СОН» И Р.ХАМИДА «ПЫЛЬ
БОЛЬШОЙ ДОРОГИ») 12

СЕКЦИЯ 4. Теория литературы, текстология

- Арпентьева М.Р.**
КСЕНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД: МЕТАЯЗЫКИ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ..... 15

СЕКЦИЯ 7. Языкознание

- Байкалова Н.С.**
АНАЛИЗ УНИВЕРСАЛЬНЫХ АСПЕКТОВ РАЗВИТИЯ ГЕНДЕРНОЙ ЛИНГВИСТИКИ В
РОССИЙСКОЙ И ЗАПАДНОЙ ПАРАДИГМЕ 19

СЕКЦИЯ 8. Русский язык

- Башкатова М.В.**
СТАРΟΣЛАВЯНИЗМЫ В ПОЭЗИИ XIX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ Е.А.
БАРАТЫНСКОГО И М.Ю. ЛЕРМОНТОВА)..... 22
- Плесканюк Т.Н.**
ТЕКСТОКОГЕРЕНТНАЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МАТРИЦА КАК СРЕДСТВО
ФОРМИРОВАНИЯ СВЯЗНОСТИ В ТЕКСТАХ НАУЧНОГО СТИЛЯ..... 25
- Твердохлеб О.Г.**
ВАЛЕНТНОСТНОЕ ОКРУЖЕНИЕ ГЛАГОЛА «СОЕДИНИТЬ»:
АГЕНС (лица) — ОБЪЕКТ (части тела человека) 30

СЕКЦИЯ 11. Германские языки

- Долгова А.А.**
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОРПУСА КАК ИНСТРУМЕНТА ДЛЯ РАЗРАБОТКИ
ДИДАКТИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ УРОКОВ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА 34

Комягина О.В., Зубкова Д.Н. ПРОБЛЕМЫ И ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ OF-ФРАЗ И 'S-ГЕНИТИВОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ.....	37
---	----

СЕКЦИЯ 13. Классическая филология, византийская и новогреческая филология

Гарин С.В., Панасенко Т.А. СЕМАНТИКА ДОЛГА И ЛИЧНОСТИ В ЛИРИКЕ АРХИЛОХА.....	41
--	----

СЕКЦИЯ 14. Теория языка

Гончарова А.А. ИСТОРИЯ ЛИНГВОКОНСТРУИРОВАНИЯ КАК ПУТЬ ПОИСКА УНИВЕРСАЛЬНОГО ЯЗЫКА	45
--	----

СЕКЦИЯ 15. Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание

Аубакирова Г.Т. АНТРОПОНИМЫ КАК ЭТНОМАРКИРУЮЩИЕ И ХУДОЖЕСТВЕННО- ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА	48
Ережепова С.К. О ВОПРОСЕ ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОГО СТИЛЯ В РУССКОМ И КАЗАХСКОМ ЯЗЫКАХ (ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)	51
Михайлова Т.В., Парфенова Т.А. ФОРМИРОВАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ.....	55

СЕКЦИЯ 17. Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки

Смолова М.А. ОСОБЕННОСТИ КОГНИТИВНЫХ СТИЛЕЙ РЕФЕРИРОВАНИЯ ТЕКСТОВ НА КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ	57
Ярема Т.В. КАЗАХСКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ КАЗАХСТАНЕ	61

СЕКЦИЯ 1.

Русская литература

УДК 811.161.1

Байнин С.В.

Вологодский государственный университет

КРИТИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ГРУППЫ «ПЕРЕВАЛ» О ТВОРЧЕСТВЕ «КРЕСТЬЯНСКОГО» ПОЭТА Н. А. КЛЮЕВА

Аннотация

Статья рассматривает одно из направлений критики 1920-х годов творчества «крестьянского» поэта Н. А. Клюева. После 1917 года на фоне множества откликов на сборники Клюева пролеткультовских и напостовских критиков, оценка членов литературной группы «Перевал» была практически незаметна. Однако, сама позиция «перевальцев» к «попутчикам» и «крестьянским» поэтам довольно бурно обсуждалась на страницах газет и журналов.

Abstract

The article considers one of the directions of criticism of the 1920s art «peasant» the poet Nikolai Klyuev. After 1917, on the background of the set of responses to Klyuyev's compilations Proletkult and napostovskih critics, evaluation of the members of the literary group «Pass» it has been virtually invisible. However, the very position of «perevaltsev» to the «fellow travelers» and «peasant» poets has pretty much discussion on the pages of newspapers and magazines.

Ключевые слова: крестьянские поэты, «воронщина», «перевальская» критика, рапповская критика

Key words: peasant poets, «voronshina», «Perevalsk» criticism, RAPP criticism

Творчество «крестьянского» поэта Николая Алексеевича Клюева было обсуждаемо на страницах отечественных и эмигрантских периодических изданий как до, так и после 1917 года. Особенно остро встал вопрос о позиции поэта к революции, новой власти, новым реформам в отношении деревни, крестьянина и литературы. Между разными направлениями в критике самыми полемичными вопросами стали: крестьянский вопрос и писатели-«попутчики». С одной стороны стояли «напостовцы» и «лефовцы», отчаянно боровшиеся с «кулаками» и «попутчиками» в искусстве. С другой – Л. Д. Троцкий, А. К. Воронский, В. П. Полонский (Гусин), «Серапионовые братья». Однако, Клюев, официально оказался лишним элементом современной литературы для обоих фронтов критики. На страницах журналов выявлено небольшое количество критических заметок критиков-«перевальцев» о поэзии Клюева. Тем не менее, этого достаточно, чтобы представить полноценную характеристику «Дон-Кихотов 20-х годов» о религиозном мистике из Олонецкой губернии.

В начале 1920-х годов от группы «Октябрь» откалывается часть писателей, которые были близки линии Воронского. Литературная жизнь этого периода изобилвала множествами группировок и направлений. На их фоне голос группы «Перевал» при журнале «Красная новь» поначалу был едва слышен. Громко о себе «Перевал» заявил с приходом критиков А. З. Лежнева, Д. А. Горбова, Н. И. Замошкина, С. И. Пакентрейгера и др. В. Ф. Наседкин к двухлетию группы отмечал, что «критиков перевальцев нет – еще не выросли» [11, с. 171] и перевальцы в основном отталкивались от Воронского в своих критических суждениях. Но всё изменилось с приходом профессиональных критиков. Начальная установка на массового читателя сменилась на «школу-направление» со своими целями, местом и характером в мире искусства.

Для перевальцев революция 1917 года, проникшая во внешний и внутренний мир общества, стала своего рода новой эпохой Возрождения. В понимании значения революции важна не только политическая и экономическая сторона, но и «культурное содержание». В предисловии к антологии «Перевальцы» 1930 года отмечалось, что группа выбрала такое название, «потому что знали, как труден путь, уготованный веком искусству, рожденному под гром пушек...» [12, с. 8] Со временем перевальская критика обрела собственную эстетическую систему. С т. з. своих принципов они давали рецензии и оценки. По мнению Г. А. Белой, «Перевальцы острее других чувствовали неполноту представлений пролетарских писателей об эстетических отношениях художника с миром действительности, искажение вопроса о творческой личности в теориях рапповской и лефовской критики, упрощенность трактовки вопросов о задачах искусства, об объективном смысле художественного образа, о связи мировоззрения и творчества» [1, с.]. Они ставили себя в ряд других литературных групп между пролетарскими писателями с одной стороны и писателями-попутчиками и крестьянскими с другой. Для критиков «Перевала» не важна была идеологическая позиция автора, а лишь богатство его творчества, его литературные способности, художественная форма, стиль. Воронский повышенное внимание уделял писателям-«попутчикам» и игнорировал истинно революционных художников, борясь с «тенденциозной нудью в прозе и поверхностным виршеплетством в поэзии» [11, с. 170] пролетарских авторов. Как отмечал В. П. Правдухин «...широты, образности, всеобъемлющего синтеза <...> нет у большинства специалистов пролетарской поэзии», в отличие от крестьян Клюева, С. А. Есенина, И. Е. Ерошина [13, с. 142].

Специфичность искусства, как особая форма познания, составляет основу эстетической системы «Перевала». Такая форма деятельности подразумевает изучение культуры предыдущих поколений и свобода художника и творчества. Однако, свобода творчества включает в себя ответственность художника перед искусством и перед читателем. Она не опровергает социального заказа, понимаемого не как приказ со стороны власти, а как наказ, направляющий писателя в написании литературы первой необходимости. Это выводит на «органическое творчество» писателя, включающее в себя искренность художника в изображении действительности, ее развитие и выражение проблем не только самой эпохи, но и конфликтов внутри личности. Все это дает возможность показать человека не как маленького элемента огромного механизма, а изобразить его во всей полноте и цельности.

Принципы «Перевала» подвергались резкой критики, в особенности со стороны марксистской. В 1930 году в секции литературы Комакадемии «Перевал» обвинялся в реакционности, которая наоборот уводит далеко писателя от целей литературы и общества. Что же касается отношения «Перевала» к крестьянским писателям, то на фоне множества отрицательных критик они их поддерживали. Идеализация деревни у С. А. Клычкова, А. С. Неверова, Л. Д. Сейфуллиной и др. происходит наряду с пониманием значения города: «Эти писатели, - пишет Воронский, - не боятся “железного черта” и не ищут в седовласой патриархальности разрешения проклятых вопросов современности» [2, с. 223]. Но это, по определению Лежнева, левый фланг крестьянской литературы. На правом фланге расположились писатели, восходящие к «новокрестьянской группе» (Клюев, Есенин). Левый фланг крестьянской литературы различался с новокрестьянами тем, что у первых «нет формальной изоциренности письма, но именно на этом направлении стирается граница между крестьянскими и пролетарскими писателями» [5, с. 133], что стало причиной появления термина «рабоче-крестьянские писатели».

В отношении «новокрестьян» Воронский акцентировал внимание на их «узко-политической» реакционности. «По-своему они и за Октябрь, и за Май, - пишет Воронский «Красной нови», - но они напуганы железным веком, городом, они тянут к сыченной браге, к патриархальной деревенщине, не веря в то же время в ее возврат. Они – квиетисты. Им чужда поэзия творческого, преображающего, освобождающего труда, поэзия “рая”, творимого человеком по своей воле и хотению, своими руками и мозгом» [2, с. 223].

Со стороны перевальцев звучали обвинения в сторону поэтов в тяготении к патриархальности. А. З. Лежнева, в частности, удивляло, как можно до сих пор быть привязанным к прошлому: «Уж, кажется, и Содом оно, и мерзость, а все не могут никак удержаться, чтоб не обернуться к нему, не застыть в окаменелом восторге» [8, с. 303]. Критик видел в борьбе между городом и Клюевым, всего лишь боязнь последнего за «гибель поэзии, сказочного Китеж-града» [9, с. 126].

Включая «кулацких» поэтов в одну реку крестьянской литературы Правдухин, считает, что город ломает Есенина и Клюева. Хотя последний еще упирается. Но это уже не тот Клюев, который радовал своими «перезвонами сосен» и «избяными песнями». Голос его не свободен как раньше, «а стихотворно, порой сильно, поучает, обращаясь к аудитории, доказывает, что и он ушел из своей стихии «на клирос» поэтов и от прямого сочинительства спасает его лишь большой талант» [13, с. 141]. Богатство образов отныне бывает слишком насыщенным, за которым он хранит и не показывает никому свой душевный страх. Клюев в тупике и, как и В. В. Князев в книге «Ржаные апостолы» («Клюев и клюевщина») (1924), ставшей отправной точкой в дальнейшей критике Клюева, как «умирающего» поэта [7], Правдухин предполагает, вряд ли он найдет выход. Во всяком случае, последние его работы не дают ясного ответа [13]. А близкий по идеологии к «Перевалу» серапион И. А. Груздев также увидел тупик, но уже с т. з. поэтики: «...поскольку слово скрытого соответствия – слово-символ – являлось поэтически плодотворным, постольку культура слово-образа, раскрытого как шарада, не чревата последствиями. Здесь не развитие, а тупик» [3, с. 37].

Важно отметить, что и «Серапионовые братья», хотя бы на примере Груздева, не одобряли художественного мира Клюева. Настаивая на своей аполитичности и идейности в искусстве (однако, в плане идеологии в дальнейшем будут противоречия внутри группы, в результате чего просуществует недолго) им чужда была мистическая революционность Клюева, особенно в «скифский» период. Е. И. Замятин недоумевает, как Р. В. Иванов-Разумник стерпел клюевскую «Песнь Солнценосца», «да еще и хвалит, не поморщившись». Слова «Братство», «Свобода», «Равенство» и др. Замятин интерпретирует как наступающую «безвкусицу» Клюева, его «первые признаки творческой импотенции» [4, с. 32-33].

Следует сказать, что и сам поэт, часто посещавший литературные собрания «братьев», резко отзывался о них. Заметив практически у каждого из писателей - «серапионов» очки Клюев иронизировал: «Не писатели, а какие-то водолазы. Только не достать им жемчугов со дна моря русской жизни. Тина, гнилые водоросли, изредка пустышка-раковина — их добыча. Жемчуга же в ларце, в морях морей, их рыбка-одноглазка сторожит» [10, с. 117]. Для Клюева было недостаточно поверхностное отражение действительности без «обращения к поддонным слоям национального духовного бытия» [10, с. 117] в произведениях «серапионов».

Раповцы боролись с «воронщиной» и близкому к «Перевалу» Полонским. Полонский утверждал, что писатель должен отталкиваться в своем творчестве от внутреннего голоса и состояния души. И это он видел у многих кулацких поэтов, защищая их от партийной критики. Главный редактор «Нового мира» и «Печати и революции» считал, что необходимо печатать классово враждебных писателей. Однако Воронский, не принимавший всерьез мистику и религию, а также всегда боровшийся с угасанием классовой ненависти, не согласился переиздать в 1923 году сборник Клюева «Львиный хлеб» в издательстве «Круг», где он был председателем. Клюев описал встречу с Воронским по этому вопросу следующим образом (приводим дневниковую запись полностью): «Пошел в «Круг» спросить у Вронского [так! – С. Б.], будет ли издана моя книга «Львиный хлеб»? Вронский съежился, хитро приbedнился:

- Да знаете, говорит, человек-то вы совсем другой...

- Совсем другой, отвечаю, но на что вам одинаковых-то человек? Ведь вы не рыжих в цирк набираете, а имеете дело с русскими писателями, которые, в том числе и я, до сих пор даже и за хорошие деньги в цирке не ломались.

Ответ Вронского:

- А нам нужны такие писатели, которые бы и в цирке ломались и притом совершенно даром» [6, с. 68-69].

В «Львином хлебе» Клюев вступает на путь борьбы с революцией и городом. От «Львиного хлеба» пойдет вереница сожалений и отчаяний поэта в воскрешении крестьянского рая. Клюев был не тот крестьянин, которого бы поддерживала критика «Перевала», однако, в начале 1930-х годов именно они были одними из самых активных слушателей поэмы «Погорельщина» (вершина творчества Клюева, не опубликованная при жизни, но популярная на выступлениях поэта, что подтверждают дневниковые записи слушателей) на различных литературных вечерах. Иными словами, не обвиняя в измене революции, «кулацких» настроениях, критики видели всю губительность поэтики Клюева в его тщетной борьбе с городом и отстаивании деревни, где еще хранились древние культурные традиции Руси.

Библиографический список

1. Белая Г. А. Дон-Кихоты 20-х годов: «Перевал» и судьба его идей. - М.: Советский писатель, 1989. - 400 с.
2. Воронский А. К. Лунные туманы // Красная новь. 1926. №10. С. 215-224
3. Груздев И. А. Русская поэзия в 1918–1923 гг. (К эволюции поэтических школ) // Книга и революция. 1923. № 3. С. 31-38.
4. Замятин Е. И. Скифы ли? / Замятин Е. И. Я боюсь. Литературная критика. Публицистика. Воспоминания. - М.: Наследие, 1999. - 359 с.
5. История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи / Под ред. Е. Добренко, Г. Тиханова. - М.: Новое литературное обозрение, 2011. - 792 с.
6. Клюев Н. А. Словесное древо. Проза. - СПб.: Росток, 2003. - 688 с.
7. Князев В. В. Ржаные апостолы (Клюев и клюевщина). – Пг.: «Прибой», 1924. 144 с.
8. Лежнев А. З. Среди журналов // Красная новь. 1924. №4. С. 303-316
9. Лежнев А. З. На правом фланге: (о журналах «Россия» и «Русский современник») // Печать и революция. 1924. №6. С.123-130
10. Михайлов А. И. Николай Клюев и «Серапионовы братья» // Русская литература. 1997. №4. С. 114-119
11. Наседкин В. Ф. К двухлетию «Перевала» // Перевал. Сборник IV. М. – Л.: «Круг», 1926. С. 165 - 171.
12. Перевальцы / Малышкин А., Губер Б., Воронский А. и др. - М.: Издательство «Федерация», 1930. - 367 с.
13. Правдухин В. П. Письмо о современной литературе // Сибирские огни. 1922. №1. С. 133-151

СЕКЦИЯ 2.

Литература народов Российской Федерации

УДК 821.512.145

Галиева Л.Ш.

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ

ВЗГЛЯД НА ТВОРЧЕСТВО ГАБДУЛЛЫ ГАЛИЕВА В КОНТЕКСТЕ ТАТАРСКОЙ ПРОЗЫ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Аннотация

Статья посвящена исследованию творчества современного татарского прозаика Габдуллы Галиева (1928). Писатель в своих произведениях обращается к теме Великой Отечественной войны, раскрывает жизнь подростков в военное время. Параллельно он поднимает вопросы нравственного воспитания личности, эстетические ценности этого периода.

Adstract

The article is sanctified to research of work of the modern Tatar prose writer of Gabdulla Galiev (1928). A writer in the works calls to the theme of Great Patriotic war, exposes life of teenagers in a war-time. In parallel he raises questions of moral education of personality, aesthetic values of this period.

Ключевые слова: современная татарская проза, тема Великой Отечественной войны, нравственность, эстетическое

Key words: modern Tatar prose, theme of Great Patriotic war, morality, aesthetic

Война и жизненные условия, которые были продиктованы ею, послевоенное село – вот одна из тем, которая на протяжении более полувека волнует души многих писателей. «Сначала объективный взгляд на село этого периода был отображен в творчестве Р. Тухватуллина в 50-е годы. Его начинания поддержали А. Гилязов, Н. Фаттах, А. Баянов, позднее присоединились М. Магдеев, В. Нуруллин и др. И в произведениях этих писателей сильно чувствуется личный опыт, ибо это поколение писателей в большинстве случаев поднимают вопросы, которые им интересны и которые их волнуют.

Эти писатели, в первую очередь, берутся изображать годы детства и молодости, жизнь и судьбу, взгляд на мир, формирование и становление характеров сельской молодежи во времена войны и после нее. Освещение именно этих проблем, связанных с собственным личным опытом писателей, является важной особенностью при изображении села этого периода в татарской прозе 60-80-х гг.» [4, с. 75]. Продолжая эту мысль, Ф. Мусин приводит следующие примеры, которые подчеркивают индивидуальный подход каждого автора. Так, среди первых подобных произведений, он называет повесть Р. Тухватуллина «Йолдызым» («Звездочка», 1962). Здесь писатель ставит целью преподнести образ передового представителя молодежи колхоза. Несколько в ином ракурсе представлены произведения А. Гилязова, Н. Фаттаха, А. Баянова. Они изображают противоречивую судьбу молодого поколения, при этом даже обращаясь к драматическим моментам. Прежде всего, здесь идет речь о массовом отъезде молодого поколения из деревень. В оптимистическом духе представили жизнь подрастающего поколения М. Магдеев и В. Нуруллин [3, с. 76–77]. Современный же писатель Габдулла Галиев явился своего рода приемником традиций перечисленных авторов. Он представил картину этого периода села с различных сторон: и в юношеском максимализме, оптимизме, и в горечи переживаний сельского населения.

В современной татарской прозе творчество Габдуллы Галиева занимает особое место. Писатель, обращаясь к прошлому, переосмысливает события современности, переживает за бытие своей нации. Его прозаические произведения можно сравнить с мемуарными сочинениями, так как почти каждое из них является преобразованием воспоминаний автора. «Как и многие его сверстники, детство и юность которых пришлось на годы войны, он с малых лет познал цену труда: вспахивает землю на лошади; таскает из далеких краев топливо для колхозных тракторов; осенью отвозит зерно на элеватор, зимой трудится на лесорубе в лесах Лубьяна», – отмечено в биобиблиографическом справочнике татарских писателей [2, с. 329]. Эти события были глубоко запечатлены в памяти подростка и долгое время волновали душу писателя.

Г. Галиев вступил на творческое поприще довольно-таки поздно. Первые его пьесы были написаны в 60-х годы, прозаические же произведения вышли в свет лишь в восьмидесятих годах. Известно пять сборников его прозаических произведений. Это книги под названием «Үкенеч» («Раскаяние», 1995), «Кичер мине, Сурия» («Прости меня, Сурия», 1997), «Хэзрэт малайлары» («Дети хазрата», 2002), «Кырык дүртнең буранлы кышы» («Буранная зима», 2006), «Йөрәк ярасы» («Рана сердца», 2012).

Особенностью творчества писателя является то, что он, обращаясь к своим личным воспоминаниям и переживаниям, воссоздает картину жизни подростков военного периода. Главными действующими лицами рассказов и повестей автора являются юноши и пожилое поколение – то есть те, кто составил костяк села в те тяжелые годы Великой Отечественной.

О значении воспроизведения прошлого в произведениях литературы высказался литературовед Ф. Мусин: «Еще одна важная нравственная значимость изображения прошлого в литературе – это помочь углубить историческую память человека современности. Нужно заметить, что проблема памяти в последнее время особенно часто поднимается при рассмотрении вопросов нравственности» [3, с. 16].

Нравственные искания, правила приличия и поведения человека в обществе всегда являлись неотъемлемой частью литературы. Даже сам того не подозревая, писатель выдвигает перед читателем определенные рамки дозволенного и благонравного. Слова нравственность и благовоспитанность в татарском языке часто воссоединяются в одном значении как парное слово. Творчество Г. Галиева обращено на поиск именно этих первостепенных качеств в человеке. С одной стороны, война сплотила людей, как одну большую семью, с другой – она поставила многих перед трудной жизненной ситуацией выбора, противоречия. Те, кто смог несмотря ни на какие обстоятельства сохранить в себе нравственные начала и вежливость, нашли место в произведениях этого автора.

События, отраженные в произведениях Г. Галиева – это воспроизведение жизни села второй половины двадцатого века. Примером тому можно привести его рассказ «Лошади тоже плачут». Препятствия, которые пришлось на голову двух юношей – Расима и Гали, вызывают чувство жалости и сострадания. Однако сами юноши переживают долю, выпавшую на их голову, с мужеством, с честью, свойственной взрослым. Тем самым автор старается подчеркнуть, в каких условиях формировался характер, стойкость молодежи. Такому качеству человеческого характера, как терпимость, посвящен рассказ Г. Галиева «Без алар кебекме?» («Мы такие же, как они?»). И здесь изображается образ, похожий на Гали.

Следует отметить, что формирование характера не обходится без участия пожилого поколения. Особенно ярко это отражено в названном рассказе. Автор не только показывает связь поколений, а акцентирует внимание, как это происходит на самом деле. Ибо только путем общения, личного примера можно добиться желаемого результата и обратить взор молодежи на элементарные правила поведения, взаимопомощи.

Связь поколений и современные потребности молодежи, вопросы приличия затронуты в рассказе «Кэчтүм» («Костюм»). Дед, обращая внимание на внешний вид внука, вспоминает свои юношеские годы и желание быть в центре внимания. Однако разные мнения в отношении манеры одеваться, понятны: времена меняются. Здесь же можно обратить внимание лишь на тот факт, что запросы деда все же больше соответствуют и менталитету,

здоровому образу жизни. Главная же цель рассказа – донести читателю мысль, которая как нельзя лучше отражена в поговорке: по одежде встречают, по уму провожают. Дед в молодости тоже был обманут из-за костюма. Самое же главное в человеке – это его внутренний мир.

Естественно, писатель не обошел стороной и воспоминания о первой влюбленности. Об этих юношеских симпатиях повествуется в рассказах «Костюм», «Лошади тоже плачут». Главный герой, на пути завоевания сердца возлюбленной, идет на разные жертвы и при этом завоевывает и славу. Иначе преподнесено это чувство в рассказе «Мэхэббэт – Аллаһы Тәгалә бүләге» («Любовь – божественный дар»). Он написан под впечатлением от произведения Г. Исхаки «Супруга муллы». Возвышенное чувство любви и взаимоуважения доносится как самое светлое чувство, которое способно преодолеть все преграды и несчастья.

Одно из качеств, свойственное героям произведений Г. Галиева, это религиозность. Они воспринимают бранный мир как этап на пути к вечному. Явный тому пример – образ пожилой женщины из рассказа «Жәмилә эби» («Бабушка Джамиля»). Набожность характерна и для старика из рассказа «Эт жан» («Собачья душа»), который стремится наставить на праведный путь Умара, злоупотребляющего спиртным.

В творчестве Г. Галиева можно найти и критический взгляд на советскую идеологию. Более всего это изображается путем преподнесения образов, которые всецело преданы идеям коммунизма. Это Харрас из рассказа «Каргыш» («Проклятие») и Бурхан и произведения «Дога кылып кит» («Уходи, помолвившись»).

Проблемы нравственности и вежливости, которые поднимает в своих произведениях Г. Галиев, даже если в основном изображены путем воссоздания воспоминаний и отражения села военного и послевоенного периода, раскрывают и явления, которые широко распространены в современном обществе. Жизнь ставит перед людьми различные проблемы и право выбора: идти прямым путем или же поддаться влиянию времени. По мнению писателя, несмотря ни на что каждый человек должен сохранить свое собственное достоинство, все действия выполнять, опираясь на понятия морали и этики.

Произведения Г. Галиева отличаются привязкой к конкретному историческому времени. Например, его повести и рассказы «Мы такие же, как они?», «Любовь – божественный дар», «Костюм», «Лошади тоже плачут», «Бабушка Джамиля», «Эхо молодости», в хронологическом плане, можно выстроить в один ряд. Повествование в них ведется от имени первого лица и связывается с его воспоминаниями. Следует отметить, что в произведениях повествуется не только о жизни села в военные годы, но также отражаются кровавые сцены войны. Они, как правило, преподнесены устами солдат, которые ранеными пришли с фронта.

Жизненные ситуации, которые возникают, каждый писатель воспринимает и переживает по-своему. Известно, что для того, чтобы их переосмыслить и вновь воссоздать в произведении, от автора требуется определенное время. Именно по его истечении у него формируется свое собственное (зачастую и субъективное) отношение. В год начала войны Г. Галиеву было тринадцать лет. Отсюда можно сделать вывод: к событиям, пережитым в юности, он возвращается лишь в зрелые годы, к тому же поздно обращается и прозаическим жанрам. Многие произведения Г. Галиева автобиографического характера. Однако его произведения объединяет не только общая тема, но и схожесть изображаемых ситуаций, а также и подобные образы.

В целом же, оценивая место Г. Галиева в контексте татарской прозы конца XX – начала XXI веков, можно отметить следующие моменты. Во-первых, творчество писателя являет собой некий взгляд из современности, взгляд взрослого человека на события юности, которые связаны непосредственно с селом военного периода. Во-вторых, описываемые действия произведений перекликаются с биографическими фактами жизни автора, что говорит об автобиографическом, в какой-то мере мемуарном и документальном характере произведений. В-третьих, Г. Галиев продолжает традиции писателей-деревенщиков. В-

четвертых, рассказам и повестям прозаика присуща тенденция пропаганды нравственных устоев и религиозных канонов, свойственных менталитету татарской нации.

Библиографический список

1. Галиев Г.Г. Йөрәк ярасы: повестьлар, хикәяләр, юморескалар. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2012. – 287 б.
2. Әдипләребез: биобиблиографик белешмәлек: 2 томда: 1 том / Төз. Р.Н. Даутов, Р.Ф. Рахмани. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2009. – 751 б.
3. Мусин Ф. Әдәбият һәм әхлак // Хәзерге татар әдәбиятында әхлакый эзләнүләр. – Казан, 1989. – Б. 4-24.
4. Мусин Ф. Проза // Татар әдәбияты тарихы: Алты томда: 6 том: 60-90 еллар әдәбияты. – Казан: Раннур нәшрияты, 2001. – 544 б.

Миннуллина Ф.Х.

Институт языка литературы и искусства им. Г.Ибрагимова АНРТ

НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ В ТАТАРСКОЙ ДРАМАТУРГИИ (НА ПРИМЕРЕ ДРАМ Т.МИННУЛЛИНА «ПРОЩАЙТЕ», «СОН» И Р.ХАМИДА «ПЫЛЬ БОЛЬШОЙ ДОРОГИ»)

Аннотация

Статья посвящена изучению пьес Т.Миннуллина «Прощайте», «Сон» и Р.Хамида «Пыль большой дороги» где показана сложная судьба человека, на долю которого выпали суровые жизненные испытания. В произведениях наблюдаются абсурдные представления о нравственных ценностях. Особое внимание акцентируется на абсурдности бытия и жестокости повседневности.

Abstract

In article we considered T. Minnullin's work "Dream", R. Hamid's work "A dust of main road" from the point of view of an embodiment of category of the tragic and motives of loneliness. In it the tragic condition of the hero is reflected also. The conclusion that the problem of "inspirituality" became the main subject of many writers of the present is drawn. The special attention is focused on absurdity of life and cruelty of daily occurrence, on alienation of the personality from the world.

Ключевые слова: татарская драматургия, драма, герой, страдания

Key words: Tatar dramaturgy, category of 'tragedy', drama, hero, suffering

Кардинальные перемены в обществе, пришедшиеся на конец восьмидесятых – начало девяностых XX века, стимулировали подъем национального самосознания, выразившийся и в расцвете татарской литературы. Эти изменения проявились, в изображении и преобразований связанные с общественной жизнью и их влияния на человека, где раскрываются его внутреннее состояние. Этим порождалась трагедия людей, не сумевших найти правильную дорогу в жизни. Пьесы Т.Миннуллина, И.Юзеева, Р.Хамида, З.Хакима, Д.Салихова, Р.Зайдуллы, Амануллы (А.Камалиева), Р.Батуллы, Р.Мингалимова, М.Гилязова, Ю.Сафиуллина, Ф.Байрамовой, М.Маликовой, Р.Сагди, И.Махмутовой, отразили героя эпохи в сложившемся ситуации. Надо отметить и тот факт, что в связи с изменениями в обществе усиливаются изображения темных сторон жизни. А.Ахмадуллин называет духовную нищету, проникающую в жизнь в связи с изменениями, происходящими в обществе, «мотивом бессилия» [1, с. 163]. Произведения такого уровня можно воспринимать как правдивую реальность. В конце XX – начала XXI века основными критериями достоинства человека, можно оценивать духовными и материальными категориями.

Наиболее интересными являются произведения, в которых поднимаются проблемы, связанные с нравственностью человека. Драматургия конца XX века с необходимостью приходит к порождению новой модели мира. Некоторым художественным произведениям, конца XX — начала XXI вв., свойственно мифологическое, романтическое и символическое мышление одновременно [4, с. 16-21]. В творчестве Т.Миннуллина, Ю.Сафиуллина, З.Хакима, М.Гилязова, Р.Хамида, А.Халим и др., прослеживается сочетание традиционных и нетрадиционных современных приемов, форм–средств. Одним из таких понятием является абсурд. Такого рода пьесах, мир представляется как бессмысленное событие. Драма абсурда передает чувства шока, возникающего при осознании полной бессмысленности действительности, человеческого существования [3, с. 78]. Примером является трагикомический фарс З. Хакима «Черт попутал» (1991). Здесь так же, хотя и не в такой вольной форме, как в произведении А.Халима, используется гротеск, один из приемов театра абсурда [1, с. 122].

В трагифарсе автор изображает новый мифический образ Черта милосердным, помогающим людям. Черт, проживший 2084 года, принесший людям много зла, сейчас начинает превращаться в доброе существо. Причиной такого изменения является, то что на земле больше морально испорченных людей. Например, озеро, в котором живут черти, отравляют грязной водой завода. Послушав просьбу Сальмана, он вместе с Луной помогает ему перенестись на другую планету. А тот, оказывается, уклоняется от уплаты алиментов. Герой уверен, что его жена изменила ему. Сальман попадает в руки аборигенов-людоедов. От рук людоедов его спасает Камиль, который, живя на земле, избил представителя партии и сейчас находится в бегах. Они совместно с Гали, таким же беглецом, и жуликом, начинают жить в созданном ими самостоятельном обществе. Но, такая жизнь скоро им надоедает. Черт, послушав их просьбы, помогает им обратно вернуться на землю. По мнению Черта, в разрушении всего уклада жизни виноваты прежде всего сами люди. В пьесе вскрывается абсурдность жизни, т.е. не соответствующие идеалу стороны действительности. Таким образом, драматург показывает всю глубину духовного и морального падения людей.

Социальные, нравственные аспекты всегда были основным моментом трагических конфликтов, где находит отражение трагическое состояние народа и общества. Одно из наиболее опасных проявлений трагического – это разрыв духовной связи, духовная деградация героя и др. В татарской драматургии конца XX – начала XXI вв., трагическое, чаще всего проявляется в сфере личных, семейных взаимоотношениях [5, с.210]. Примером можно привести драмы Т.Миннуллина «Заблуждение», «Любовница», «Илгизар+Вера», «Сон», Ю.Сафиуллина «Пара крыльев», «Разрушители», Р.Хамида «Пыль большой дороги» и др. Например, в драме Р.Хамида «Пыль большой дороги» описывается жизнь деревенской старухи Наухабар. Здесь наблюдается мотив одиночества, через которую раскрывается судьба героини. Этот мотив служит для раскрытия психологического состояния и внутреннего мира, переживания героя [1, с. 421]. Ее сын Тафкиль, понимая, как сложно матери одной, приглашает ее переехать жить к себе в город. Но, неожиданно от сына приходит телеграмма, где он просит мать приехать одной. Наухабар задается вопросом: «Почему Тафкиль стал таким жестоким?» и причину ищет в себе. Она переживает, за то, что не уделяла должного внимания сыну. Как отмечает А.Закирзянов, в ее мыслях, в разговоре раскрывается не только трагическая судьба Наухабара, а всего народа [5, с. 91]. В произведении вина за одиночество возлагается на общество. Основные причины бездуховности, одиночества, жестокости являются царящиеся в обществе порядки и законы бытия. Тафкиль работая в колхозе проявлял несогласие несправедливостью, с мировоззрением руководства. В результате он уходит из колхоза и устраивается в городе на суконную фабрику. Здесь его ложно обвиняют в воровстве сукна и выгоняют с работы. Тафкиль приходит к выводу, что правды нет и начинает жить, подчиняясь существующим порядкам. Таким образом, героя первоначально, окружало общество, которое не стремилось менять свой образ жизни. В этом выражается его одиночество. Р.Хамид сталкивает два варианта судьбы в одном человеке. Изначально Тафкиль, был честным и порядочным, но

безнравственность, жестокость сломала героя. Герой устает сопротивляться негативным влияниям общества, и становится его частью.

В драме Т.Миннуллина «Сон» так же находит отражение мотив одиночества, которое переплетается с мотивом преступления, вины и безнравственностью. В пьесе действие происходит в наши дни. «По признанию Туфана Абдулловича, фабулу этой пьесы он увидел во сне, и вместе с тем драматург не отрицал, что у главной героини есть вполне реальный прототип» [2]. Драматург, стремился выяснить, насколько татарский народ сохранил связь со своими многовековыми традициями, и как трудно восстанавливается эта связь в современном обществе. Выросшие в одной деревне Камиль и русская девушка Елена любят друг-друга, поэтому их решение пожениться не становится неожиданностью. В пьесе Елена открывается как натура романтическая, эмоциональная. Камиль же наоборот сдержан и немногословен. Проходит семь лет. В отсутствии детей Елена переживает тяжело, чувствует себя виноватой перед мужем. Камиль предлагает супруге воспитывать приемного ребенка. Отказавшись от предложения Камилля Елена пристрастившись к спиртному, стремительно деградирует и даже делает попытку самоубийства. В драме широко распространяется мотивы преступления, признания вины и возмездия (наказания). Таким образом, герои сам выбирает свою судьбу. В этот момент герой проявляет максимум свободной инициативы; но как только выбор сделан, дальнейший ход событий становится неизбежен, т.е. подчиняется уже в неличной необходимости, часто предчувствуемой, но непреодолимой [8, с. 313]. Пустота в душе, отчаяние приводит ее другую крайность –она попадает в религиозную секту. Камиль же бездействует. Любовь к Елене забирает всю его душу и не оставляет сил для борьбы. Потеряв женскую привлекательность, Елена обвиняет мужа в том, что он слишком сильно ее любил и жалел. Герой не осознает своего одиночества, что служит причиной того, что в жизни допускают ошибки, которые приводят их к трагическим обстоятельствам. В произведениях наблюдаются абсурдные представления о нравственных ценностях. Ради утверждения ключевых ценностей как совесть, сочувствие, взаимопомощь как необходимых предпосылок существования духа татарского народа, драматурги показывают отношение героев к друг-другу. Особое внимание акцентируется на абсурдности бытия и жестокости повседневности. Тем самым драматурги дают оценку своей эпохе, акцентируя ее несоответствие человеческим нормам морали. В произведениях, основанных на символах, через противостояние образов они раскрывают нравственное состояние эпохи, где современная жизнь характеризуется как ужасное, дикое время для народа.

Библиографический список

1. Ахмадуллин А. Татарская драматургия. – Казань: Татар.кн.изд-во, 2012. – 511 с.
2. Владимирова И. «Сон», похожий на явь // Республика Татарстан. – 2 января.-2013.
3. Журчева О.В. Жанровые и стилевые тенденции в драматургии XX века: Учебное пособие. Самара: Изд-во СамГПУ, 2001. – 184 с.
4. Закирзянов А.М. Основные направления развития современного татарского литературоведения (кон. XX – нач. XXI в.). – Казань: Ихлас, 2011. – 320 с.
5. Каюмова Г.И. Концепция личности в драмах Р.Хамида и ее художественное воплощение. : Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2007. – С.15.
6. Миннуллина Ф.Х., Еникеев И.А. Трагические мотивы в драмах И.Юзеева Выронила из рук белый калфак и М.Гилязова Рана // ФИЛОЛОГИЯ И КУЛЬТУРА. - 2013. №4(34).-- С.210-2013.
7. Нигматуллина Ю.Г. «Запоздалый модернизм» в татарской литературе и изобразительном искусстве. – Казань: Изд-во «Фэн», 2002. – 176 с.
8. Теория литературы. В 2 томах / Под ред. Н. Д.Тамарченко. —Т. 1. — М.: Издательский центр «Академия», 2004. — 512 с.
9. Хәמיד Р.М. Китәм инде: Пьесалар.– Казан: Та-тар. кит. нәшр., 1991. – 382 б.

СЕКЦИЯ 4.

Теория литературы, текстология

УДК 811.161.1

Арпентьева М.Р.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

КСЕНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД: МЕТАЯЗЫКИ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ

Аннотация

Статья посвящена анализу ксенологического подхода в психолингвистических исследованиях: анализу им возможностей и ограничений взаимопонимания, метаязыков взаимопонимания.

Abstract

This article analyzes xenological approach in psycholinguistic research: the analysis of the understanding possibilities and limitations, meta languages understanding.

Ключевые слова: ксенология, другой, взаимопонимание, метаязык

Key words: xenology, different, understanding, metalanguage

Проблема Чужого и Чуждости - одна из наиболее интенсивно обсуждаемых проблем гуманитарной и, в частности, психолингвистической мысли конца XX - начала XXI века. Попытки концептуального описания дискурсов Чуждости, создания некой непротиворечивой и универсальной модели Чужого в его взаимоотношениях с Собственным, их взаимопонимания предпринимаются практически во всех областях гуманитарного знания от прикладной социологии до философской антропологии. «Аллология», «ксенология», или наука о Другом или о Чужом представлена множеством отраслей, различные аспекты генезиса «образов Чужого», их деконструкции и преодоления - темы многочисленных современных европейских и международных исследований в рамках научной и экуменической ориентаций.

Анализ ксенологических исследований позволяет выявить некоторые аспекты проблемы «Я - Другой» в психолингвистике, а именно: важность «Другого» для бытия индивида, невозможность неучета его полновесной равноценной позиции по отношению к «Я», сложность их взаимоотношений и взаимовлияний, негарантированность взаимопонимания, диалогичность бытия, трансдикурсивность человеческого существа. Любая моносубъектная концепция формирования и развития социального субъекта, его отношений с миром - в том числе, развития той или иной общности, неизбежно оказывается «Я» - центрической. Альтернативным методом изучения системы «Я - Другой» и является восстановление в теории всего спектра отношений и взаимодействий в этой системе. Интерсубъектный подход, в отличие от интрасубъектного, традиционного, берет в качестве единицы анализа не индивида, отдельного социального субъекта, а его связь с другими, усматривая в этой связи не внешнее, Чужое, по отношению к его жизнедеятельности, а ее внутреннюю - Собственную - смысловую ткань. Таким образом, изучается диалог человека и мира, пространство взаимодействий между людьми, по отношению к которому факты «индивидуального» оказываются подчиненными, и производными [2; 4; 6; 9].

Особую роль для разработки проблемы «Другого» играет освоение творческого наследия М.М.Бахтина и А.А.Ухтомского. А.А.Ухтомский вводит и раскрывает понятие «доминанта на Собеседнике», смысл которого - это глубокое проникновение во внутренний

мир другого человека, стремление понять его ценностно-смысловую позицию, отстроившись от собственных установок, стереотипов и ожиданий. «Другой» для А. Ухтомского - это живое конкретное человеческое лицо, «которое никогда не может быть средством для меня, но всегда должно быть моей целью», и когда происходит это понимание, «сам человек впервые приобретает то, что можно в нем назвать лицом». Таким образом, становление личности, «ее пробуждение» неразрывно связано с переключением себя и своей деятельности на других. В поиске метода познания человека: «нам надо из самоудовлетворенных в своей логике теорий о человеке выйти к самому человеку во всей его живой конкретности и реальности, поставив доминанту на живое лицо...». В данном подходе выявляется «перенос «центра тяготения с Себя на Другого, открытия бытия, существующего «помимо Себя». Это не столько «преобразование» жизненного мира личности, сколько усмотрение реальности, организующей мир вне зависимости от «Я» [10].

У М.М.Бахтина отмечается равноправие позиций «Я» и «Другого». «Другой» имеет возможность осуществлять функции, принципиально недоступные «Я» - в силу изначальной социальности бытия психического. «Другой» вследствие своей позиции «внеаходимости» обладает «избытком видения» - «...уникальной возможности непосредственного восприятия целостной формы «Я», отсутствующей у самого «Я» и всегда имеющейся у Другого» [2; 8].

В работах А.У. Хараша [11] диалог понимается как предметно-сфокусированное общение. Понятия диалога, предметно-смысловой фокусировки и другие включены в более широкий контекст интересубъектного подхода, основывающегося на принципе единства общения и деятельности, понимания отношений «субъект-объект» и «субъект-субъект» как двух сторон человеческого бытия, что является ключевой задачей утверждения его в качестве самостоятельной методологической предпосылки гуманитарного исследования. Основную формулу интересубъектного подхода можно представить как трансформацию формулы «субъект-субъект» в формулу «субъект-объект-субъект». Оба субъекта сохраняют свою субъектность благодаря «предметному» медиатору». Сфокусированность личностных смыслов вокруг этого «медиатора», единого предметного поля, обозначаемая как предметная (проблемно-смысловая) фокусировка, и есть, собственно, диалогическое ядро общения.

В интересубъектном подходе «Я» раздвигает собственные границы благодаря Другому и за счет его. Другое – раздвигает свои границы за счет «Я», благодаря ему. Более того, в знании «Я» о Своем нет ничего, что поначалу не было бы Чужим. Даже понятия и способы обращения с ними возникают в общении с Другим – перенимаются или конструируются - существуя как данность уже созданная Другим прежде, или возникая в результате реализации потребности общения Своего с Другим.

Наличие Другого дает первичное двойственное деление мира на пространство и время Своего — доступного и находящегося во владении — и пространство и время Чужого — недоступного и не находящегося во владении. При этом попытки привести Чужое к высказыванию собственного смысла способны уничтожить Чужое как Чужое. Поэтому абсолютно Чужое всегда непостижимое. Будучи обретенным и познанным Своим (т. е. освоенным), Чужое исчезает, растворяясь в Своем.

Как пишет В. Подорога, «Через наше Я проходит раздел мира на Внутреннее и Внешнее». Этот раздел - не столько территориально-пространственный, сколько раздел, обозначающий телесные, психологические, социальные и духовные границы «Я». Другой, таким образом, устанавливает пределы Своего, границы того, чем Свое обладает [7]. Другой как способ присутствия Своего в мире: «Другой не есть ни объект в поле моего восприятия, ни субъект, меня воспринимающий, — это, прежде всего, структура поля восприятия, без которой поле это в целом не функционировало бы так, как оно это делает», «овозможливает» Свое и его бытие. При отсутствии Другого, не было бы необходимости в понимании и коммуникации (общении). Тогда Собственное, не осознав свою самость и свой предел, оставалось бы в абсолютном покое самодостаточности и непонимания себя и мира [1; 3; 5].

Внеинтерсубъектное понимание Чужого располагает его на краю Собственного. Жизненный мир традиционной центрирован преимущественно на Собственном., поэтому, истолкование мира в традиционном сознании оказывается, по выражению Р.М. Шукурова, «эгологией» - наукой о Собственном [12]. Традиционная наука заботилась о конструировании непротиворечивой картины Собственного, которое стремилось распространить себя на весь мир. В противовес этому, современное сознание озабочено проблемой формирования такого (осо)знания Чужого, которое бы не уничтожило его и оставило его «таковым, каково оно есть». Сейчас во многих отраслях исторической антропологии подход древней и средневековой ментальности к пониманию Чужого осмысливается как понимание к «Образа Чужого», который существует для того, чтобы не столько понять, сколько возможно полнее преодолеть Чуждость. Освоение как таковое не приводит к полному исчезновению Чужого. Поэтому каждый из компонентов Собственного, выступающий как субъект или часть какого-либо отношения, может быть истолкован как Другое и приводить к возникновению Другого: всякое соотнесение — это соотнесение с Другим и сотворение Другого - в том числе, в рамках Своего.

«Относительная природа Чужести», Чужесть как «модализация собственного опыта» — во многом основные аспекты современной ксенологии. Относительно них выделяются базовые критерии, посредством которых люди разных эпох, и культур, то есть разных языков описывают себя и чужих людей, свою и чужую жизнь.

С. Прожогина [12], интерпретируя феномен «человека пограничья», «человека-на-границе», вовлеченного вольно или невольно во взаимопонимание, отмечает, что вся разрушительная энергия и отталкивающая сила этнокультурной границы проявляется тогда, когда граница пролегла внутри индивидуального сознания, разделив его на чуждые и враждебные зоны. Тоскующий по внутреннему единству человек на пути к собственной целостности либо решительно переходит эту границу, отрекшись от одной из соперничающих инокультурных и инородных компонент Собственного, либо пытается определить разъятое и бунтующее «Я» в виртуальном мире, упраздняя границу и искусственно объединяя гетерогенные части Собственного. «Третье место» жизни обладателя «сознания-на-границе» - подчас утопия: граница — динамична, она отбрасывает от себя вовнутрь или вовне.

К. Солер отмечает, что момент перехода, попытки пересечения границы, выхода из «трансферного запроса» (как «момента отторжения символического») включает три способа «практического разрешения выхода» (завершения) [8]:

(1) субъект удовлетворяется полученным знанием, которое он рассматривает как разгадку своей позиции и уловок, ориентировавших до этого его отношения с другими, находя некоторую формулу истины, которая составляет основу его личности (*fin mot* становится *mot de la fin* (разгадка - словом конца),

(2) более остро ощущая тот факт, что истина может быть лишь полусказана, субъект отказывается от анализа, не стараясь более придать основание подъему своего упорства. «Баста» определяет выход «как бы взятый на измор», выход через признанное бессилие (отсутствие *mot* (последнего слова) ведет к *motus* (ни слова)).

(3) Он полагает найденным решение «испытанию бессилия» в невозможном. Происходит поворот от бессилия к невозможному [8] – осознание и принятие выбора в ситуации невозможности выбора, необходимости понимания в ситуации его невозможности и т.д..

При этом, выходы через веру в истину, неполноту и невозможное неравноценны в смысле «исчерпания ресурсов символического» (способов формирования человеком смысла происходящего в его внутреннем и внешнем мирах):

- первый предполагает оправдание надежд, но пренебрежение и игнорирование тупиков, отказ от собственного усилия к пониманию, удовлетворенность «знанием»,
- во втором случае надежды не оправдываются, но субъект дорожит ими из-за бессилия (своего или другого),

• в третьем случае заключение невозможности иногда имеет эффект «выходящего за предел» отказа от понимания и изменения или к попыткам осуществления невозможного как невозможного (например, в процессе трансляции желания отстраненного или эмпатического понимания).

Возможности взаимопонимания, таким образом, осознаются, вместе с ограничениями, в третьем случае: метаязык относительности, со-бытия, предоставляет доступ к взаимопониманию.

Во втором случае метаязык допущений, инобытия и превращений, ограничивает доступ палитрой «невозможностей».

В первом – взаимопонимание полагается невозможным как таковое: есть лишь бесконечное возвращение к себя, попытки понять самого себя, раз невозможно понять иное. Метаязык «разгадок» полагает мир доступным пониманию как освоению.

Обнаруживаемые в актуальной ситуации я жизненные ценности и смыслы являются наиболее значимым показателем сущности человека, его глубоко лежащего внутреннего направления, задающего особенности понимания человеком себя и мира, предпочтений в выборе метаязыков взаимопонимания. Понимание как единство факта и его оценки, требует «принятия возможности другого», предполагает ее предзнание (subseption). Понимание будущего задает смысл настоящего, представляет собой процесс (само)проектирования личности (process of becoming), опирающийся на опыт прошлого и его реконструкцию в актуальной ситуации взаимодействия.

Взаимопонимание как синтез пониманий индивидов – негарантированный опыт совместного бытия, их самопостроения и построения ими своих отношений.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. - М.:Искусство, 1979. - 424с.
2. Бубер М. Два образа веры. - М.: Республика, 1995. - 464с.
3. Вальденфельс Б. Своя культура и чужая культура. Парадокс науки о «Чужом» / Пер. О. Кубановой //Логос. — 1994. — № 6. — С. 77-94.
4. Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. - М.: Наука, 1984. - 268с.
5. Моль А. Социодинамика культуры. — М.: Прогресс, 1973. – с.5-15.
6. Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. - М.: Весь мир, 1997. - 704с.
7. Подорога В. Феноменология тела. Введение в философскую антропологию. — М.: Admarginem, 1995. — С. 144-145, 30-31.
8. Солер К. Клинические уроки перехода.// Логос.-1992.-№3.-С.178-189.
9. Ухтомский А.А. Уловить содержание и смысл бытия // Психологический журнал. 1994. - Т.15.- №2.- С.137-152.
10. Ухтомский А.А. От двойника к собеседнику // Ухтомский А.А. Доминанта. – С.Пб.: Питер, 2002. – С. 335–391.
11. Хараш А.У. Монолог и диалог // Социально-психологическая компетентность / Сост. и ред. М.Р. Арпентьевой. – Калуга: КГУ им. К.Э. Циолковского, 2015. – 250с.
12. Чужое: опыт преодоления./ Под ред. Р.М.Шукурова. – М.: Алетея, 1999. – 384с.
13. Ясперс К. Смысл и назначение истории. - М.: Политлит,1991.- 527с.

СЕКЦИЯ 7. Языкознание

УДК 811.161.1

Байкалова Н.С.

*Институт Филологии и Языковой Коммуникации Сибирского Федерального
Университета*

АНАЛИЗ УНИВЕРСАЛЬНЫХ АСПЕКТОВ РАЗВИТИЯ ГЕНДЕРНОЙ ЛИНГВИСТИКИ В РОССИЙСКОЙ И ЗАПАДНОЙ ПАРАДИГМЕ

Аннотация

Статья посвящена основным аспектам развития гендерной лингвистики в советском и российском государстве, а также в западных странах. Также в статье обозначены основные достижения гендерной лингвистики как целостной науки. Автором приводится прогноз дальнейшего развития российской гендерной лингвистики в ближайшем будущем.

Abstract

The article is devoted to the main aspects of the gender linguistics' development in the Soviet and Russian state, as well as in Western countries. The article outlines the key achievements of gender linguistics. The author forecasts further development of Russian gender linguistics in the near future.

Ключевые слова: гендерная лингвистика, будущее гендерной лингвистики, достижения гендерной лингвистики

Key words: gender linguistics, the future of gender linguistics, achievements of gender linguistics

Гуманитарные науки в целом и языкознание в частности в послевоенное время подверглись смене парадигмы. Из науки, изучающей язык как замкнутую структуру, лингвистика трансформировалась в антропоцентрическую систему, фокусом которой стал процесс коммуникации. За сменой общественного строя менялся каждый аспект этой жизни, в том числе и статус женщины. Общественная и политическая активность женщин привела к тому, что обнажилась андроцентричность социально-политической и языковой систем. До момента третьей волны феминизма в Европе речь женщины представлялась скорее отклонением от нормы, в то время как язык белого европейского мужчины являлся эталоном. Заинтересованность вопросом соотношения языка и пола проявлялась ещё Вильгельмом фон Гумбольдтом, но, тем не менее, этот вопрос остро встал только после Второй Мировой Войны, когда феминистские организации, пользуясь гипотезой Сепира – Уорфа, выдвинули требования о трансформации языка и компенсации отсутствия феминиформ таких слов, как *mankind* и *semester*, в надежде, что замена слова *mankind* на *humanity* положительно повлияет на статус и восприятие женщины в обществе.

Не смотря на то, что положение женщины на Западе катастрофически отставало от статуса женщины в советском/российском обществе, наличие политически активных групп суфражисток и феминисток положительно сказалось на европейской и американской науке о гендере. Перспективность любого научного направления определяется его востребованностью. Развитие гендерных исследований в Советской России было скорее данью коммунистической идеологии, нежели необходимостью.

В современной России отсутствует сильное и активное феминистское сообщество.[2,с.9] Виной тому бихевиористский постулат «стимул-реакция». Вместе с Советами в Россию пришло равноправие. Несмотря на то, что с получением равенства прав в социально-политической сфере советская женщина не избавилась от своего бытового

функционала, стимула не последовало, соответственно, реакции в виде феминистского движения тоже. Однако следуя европейским тенденциям, как это чаще всего бывает в науке [1,с.238], советская лингвистика начала исследовать вопросы дифференциации речевого поведения мужчин и женщин. Данная исследовательская область изначально строилась на господствующей долгое время биологической теории предопределённости речевого поведения и его зависимости от пола. Соответственно главной гипотезой, ознаменовавшей изучение гендера в Европе, стала разница в языках мужчины и женщины. Советская лингвистика, ангажированная идеологией, не могла позволить себе подобную гипотезу, поэтому временем зарождения отечественной школы гендерной лингвистики считается период перестройки и начала гласности, то есть начало 90-х годов.

Российская гендерология является догоняющей, так как коммуникативистика, которая наглядно демонстрирует разницу речевого поведения мужчин и женщин, как и многие ответвления гендерных направлений, появилась в России сравнительно недавно и этот факт значительно тормозит эволюцию национальных знаний. Однако главным фактором дифференциации западной и отечественной гендерной науки является культурная гетерогенность. Такая гетерогенность детерминирована феминистским периодом в истории европейского общества и науки. Западная лингвистика подвержена влиянию вышеупомянутой философии. Большинство исследований о гендере европейских лингвистов проводятся со ссылкой на вековую отстранённость женщин от общественного и языкового модулирования, причём это ссылка не столько на умаление качеств «женского» языка, сколько на чувство вины за табуированность участия в языковой сфере «слабого» пола. Поэтому большую популярность в западной лингвистике получили феминистские исследования. Гипертрофированность феминистской полемики в языке наглядно иллюстрирует выступление нобелевского лауреата Тимоти Ханта, которым он всколыхнул общественность: «three things happen when women are in the lab ... You fall in love with them, they fall in love with you and when you criticize them, they cry»[5]. Этот случай иллюстрирует интерес и востребованность тематики женской дискриминации в западном обществе, поэтому направление феминистской критики языка получило широкое распространение в странах Европы и США.

Российская лингвистика не приняла подобной критики в силу исторических причин. Марксистская традиция «бесполости» избавила русский язык как минимум от одной феминистской претензии – матримониально предопределённого обращения, как то *missis/miss* в английском и *frau/fraulein* в немецком языке. «Советский» язык не просто не выделял концептуальных различий между замужней и незамужней женщиной, но и лишал её статуса женщины в принципе, абстрагируя половую дифференциацию обращением «гражданин» или предоставляя гендерный выбор – «тетрадь ученика (цы)». Исходя из анализа выборки работ по гендерной лингвистике за последние 5 лет, можно сделать вывод, что фокус исследований отечественной гендерной лингвистики сместился на сопоставительный анализ речевого поведения коммуниканта в зависимости от его гендерной принадлежности, на изучение реакции реципиента на гендерную принадлежность коммуникатора, а также в область изучения различных уровней репрезентации гендера: от фонетического, до лексического.

Другим важным аспектом гендерной лингвистики стало изучение межкультурной коммуникации.[4,с.24] Данное направление стало революционным для западного мира уже в 1950-ых годах, однако в силу закрытого характера внешних сношений советского государства оно не имело возможности развиваться в силу отсутствия прикладного характера и практики апробирования гипотез. Поэтому для европейского и американского языкознания изучение фемининных и маскулинных черт культуры стало важным направлением. Для российских реалий межкультурная коммуникация стала массовым направлением сравнительно недавно, однако исследование «гендерности» культур набирает популярность и в отечественной академической среде. За 40 лет существования гендерной лингвистики был совершен большой скачок. Прежде всего, были качественно пересмотрены биологические

предпосылки разницы между мужским и женским речевым поведением. Однако от биологического аспекта не отказались, его изучение перешло на новый уровень экспериментальных методик в рамках нейролингвистики. Были изучены особенности женского и мужского лексического словаря, проведён сопоставительный анализ. Досконально исследованы все аспекты речевого поведения обоих гендеров, включая интонирование, паузирование и инициативность. Но действительно революционным выводом, который впервые был озвучен западными лингвистами, стало то, что гендер не главенствующий и не единственный аспект, который влияет на то, как ведёт себя человек. Гендерная лингвистика совместно с социологией выделила социальный статус и возраст как основополагающие факторы самоидентификации, оставив за гендером лишь третью позицию.

На данный момент российская гендерная лингвистика проходит период междисциплинарности. Благодаря совместным исследованиям лингвистов, социологов, нейрофизиологов и психологов по вопросу гендерного речевого поведения, гендерология сегодня имеет богатую теоретическую базу. Прошлое гендерной лингвистики заключается в избавлении от стереотипов биологического детерминизма. Настоящее представлено разветвлённой сетью трансдисциплинарных исследований. Анализируя будущее гендерной лингвистики в России, мы пришли к выводу, что оно будет связано с применением наработанных знаний, а, значит, гендерная лингвистика в течение ближайших лет будет сопряжена с дискурсом.

Анализ предпочтений современного человека позволяет сказать, что в любом обществе на первый план выходят несколько типов дискурса: политический, медиа и рекламный дискурс. Первые два типа связаны с таким понятием как пропаганда, последний - с потреблением, но все они основаны на особенностях психологии и деятельности мозга человека. Гендерный аспект должен быть учтён для успешной пропаганды, и он ещё более важен для привлечения покупателей. Помимо предпочтений обоих полов и их социальной роли, которые обычно изучаются маркетологами, необходимо учитывать и такие аспекты, как трудности мужчин в переключении с одной темы на другую, подсознательную реакцию мужчин на глаголы и женщин на прилагательные, а также то, что мужчина реагирует на смысловую часть, а женщина на частотную. [3]

Всё это позволяет сказать, что актуальные на сегодняшний день и востребованные в ближайшем будущем сферы жизни как западного, так и российского общества будут сопряжены с результатами исследований гендерной лингвистики, поэтому, на наш взгляд, наиболее перспективной областью исследований станет изучение гендерных особенностей восприятия в рамках рекламного, медийного и политического дискурсов.

Библиографический список

1. Горошко Е., Кирилина А. Гендерные исследования в лингвистике сегодня // Гендерные исследования. 1999. №2: Харьковский центр гендерных исследований. - М.: Человек и карьера, 1999 - 297с.
2. Кирилина А.В. Гендер: Лингвистические аспекты. - М.: Институт социологии РАН, 1999. - 180с.
3. Кирилина А. В. Гендерные компоненты этнических представлений (по результатам пилотного исследования) // Гендерный фактор в языке и коммуникации: Сб. науч. тр. МГЛУ. Вып. 446. М., 1999. С. 67–78.
4. Полевая, И.В. Речевые гендерные стереотипы и их реализация в российском аналитическом телевизионном дискурсе (на материале ток-шоу «Диалог» и «В фокусе» телеканала РБК-ТВ): авториф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19/ Полевая Ирина Владимировна. – Москва, 2014. – 204с
5. Alissa Greenberg. A Nobel Scientist Just Made a Breathtakingly Sexist Speech at International Conference [Электронный ресурс]: официальный сайт издательства TIME. – Нью-Йорк. – 2015. - Режим доступа: <http://time.com/3915617/women-science-tim-hunt-nobel-sexist/>

СЕКЦИЯ 8.

Русский язык

Башкатова М.В.

Оренбургский государственный педагогический университет

СТАРΟΣЛАВЯНИЗМЫ В ПОЭЗИИ XIX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ Е.А. БАРАТЫНСКОГО И М.Ю. ЛЕРМОНТОВА)

Аннотация

Статья посвящена изучению старославянизмов в поэзии XIX века (на материале поэзии Е.А. Баратынского и М.Ю. Лермонтова). Особое внимание в статье уделяется описанию старославянизмов в поэзии Е.А. Баратынского и М.Ю. Лермонтова, а также дается сопоставительный анализ употребления старославянизмов в поэзии двух поэтов.

Abstract

The paper studies Old Slavonic poetry of the nineteenth century (based on the poetry of E. A. Baratynsky and M.U. Lermontov). Special attention is given to the description of the Old Slavonic in the poetry of E.A. Baratynsky and M.U. Lermontov, and also provides a comparative analysis of the Old Slavonic use in the poetry of the two poets.

Ключевые слова: старославянизмы, старославянский язык, Баратынский, Лермонтов

Key words: Old Slavonics, Old Church Slavonic language, Baratynsky, Lermontov

Старославянизмы одни из древнейших заимствований в русском языке. На протяжении многих веков происходило взаимодействие между русским и старославянским языками. Многие элементы старославянской лексики вошли в состав русского языка, дав русскому языку пласт абстрактной лексики, слова, относящиеся к области религии, церкви, морали, философии и культуры.

Влияние старославянского языка на русский, изучение старославянизмов в лексическом составе русского языка всегда привлекало внимание ученых. Начиная с XVIII века и до сих пор, изучаются вопросы, связанные со старославянизмами, их функцией и ролью в русском языке. Такие ученые как М.В. Ломоносов, А.Х. Востоков, Ф.И. Буслаева, И.И. Срезневского, Булич, А.А. Шахматов, В.В. Виноградов, Г.О. Винокур и многие другие ученые занимались проблемой старославянизмов.

Данная работа позволяет углубить существующее представление о старославянизмах в поэзии XIX века (на материале поэзии Е.А. Баратынского и М.Ю. Лермонтова).

Практическая значимость определяется тем, что старославянизмы являются важнейшей частью системы русского литературного языка. Значимую роль старославянизмы сыграли в развитии русской литературы, особенно периода XVIII–XIX века, поэтому при изучении творчества Е.А. Баратынского, М.Ю. Лермонтова могут использоваться результаты исследования.

Нами обнаружено, что в поэзии XIX века (на материале Е.А. Баратынского и М.Ю. Лермонтова) широко употребляются старославянизмы. В творчестве Е.А. Баратынского нами было обнаружено 199 конструкций со старославянизмами, в творчестве М.Ю. Лермонтова 193 конструкции со старославянизмами. В поэтических текстах Е.А. Баратынского и М.Ю. Лермонтова можно отметить старославянизмы с фонетическими, морфологическими и семантическими признаками.

Среди обнаруженных нами старославянизмов, имеющие фонетический признак, составляет 37,2% у Баратынского, 31,5% у Лермонтова от всех обнаруженных. Самая

большая группа старославянизмов, имеющих фонетические признаки, – это старославянизмы с неполногласными сочетаниями -ра-, -ла-, -ре-, -ле-. Например:

<i>Мою хладящую кровь.</i> [1, с. 92]	<i>...смерть дыханьем хладным / Уж начинала кровь мою студить</i> [2, с. 112]
--	---

Неполногласные сочетания -ра-, -ла-, -ре-, -ле- представлены в обнаруженных нами примерах в соотношении 31,2% у Баратынского и 20,2% у Лермонтова. Мы видим существенную разницу в употреблении лексем с неполногласными сочетаниями. У Лермонтова уже гораздо меньше старославянизмов с неполногласными сочетаниями.

Самой большой группой в поэзии двух поэтов оказалась группа старославянизмов, имеющие словообразовательные признаки. Она составляет 48,2% у Е.А. Баратынского и 55% у М.Ю. Лермонтова.

Общим является то, что самая большая группа слов, имеющих словообразовательные признаки, - это группа слов с приставками воз-, вос-: 10,5% у Баратынского и 7,25% у Лермонтова. Например:

<i>Воспламенённый дуб угас,</i> [1, с. 140]	<i>Бывало, мерный звук твоих могучих слов / Воспламенял бойца для битвы</i> [2, с.173]
--	---

Можно отметить, что и в поэзии Баратынского, и в поэзии Лермонтова самая маленькая группа старославянизмов – это старославянизмы, имеющие семантические признаки. В поэзии Баратынского эта группа составляет 14,6%, в поэзии Лермонтова – 13,5%. В поэтических словарях двух поэтов присутствуют общие для поэтов XIX века поэтизмы, такие как *ланиты, очи, длани, персты, чело, уста* и т.д. Например:

<i>Ланитных роз не похищает...</i> [1, с. 73]	<i>Пылали смуглые его ланиты...</i> [2, с. 86]
--	---

Также оба поэта употребляют старославянизмы, описывающие религиозные понятия и церковные элементы действительности, такие как *риза, паникадило, амвон, купель, монах, монастырь, даянья*. В исследовании отмечено, что Баратынский использует больше семантических старославянизмов, таких как *вотще, зане, помавая, днесь*.

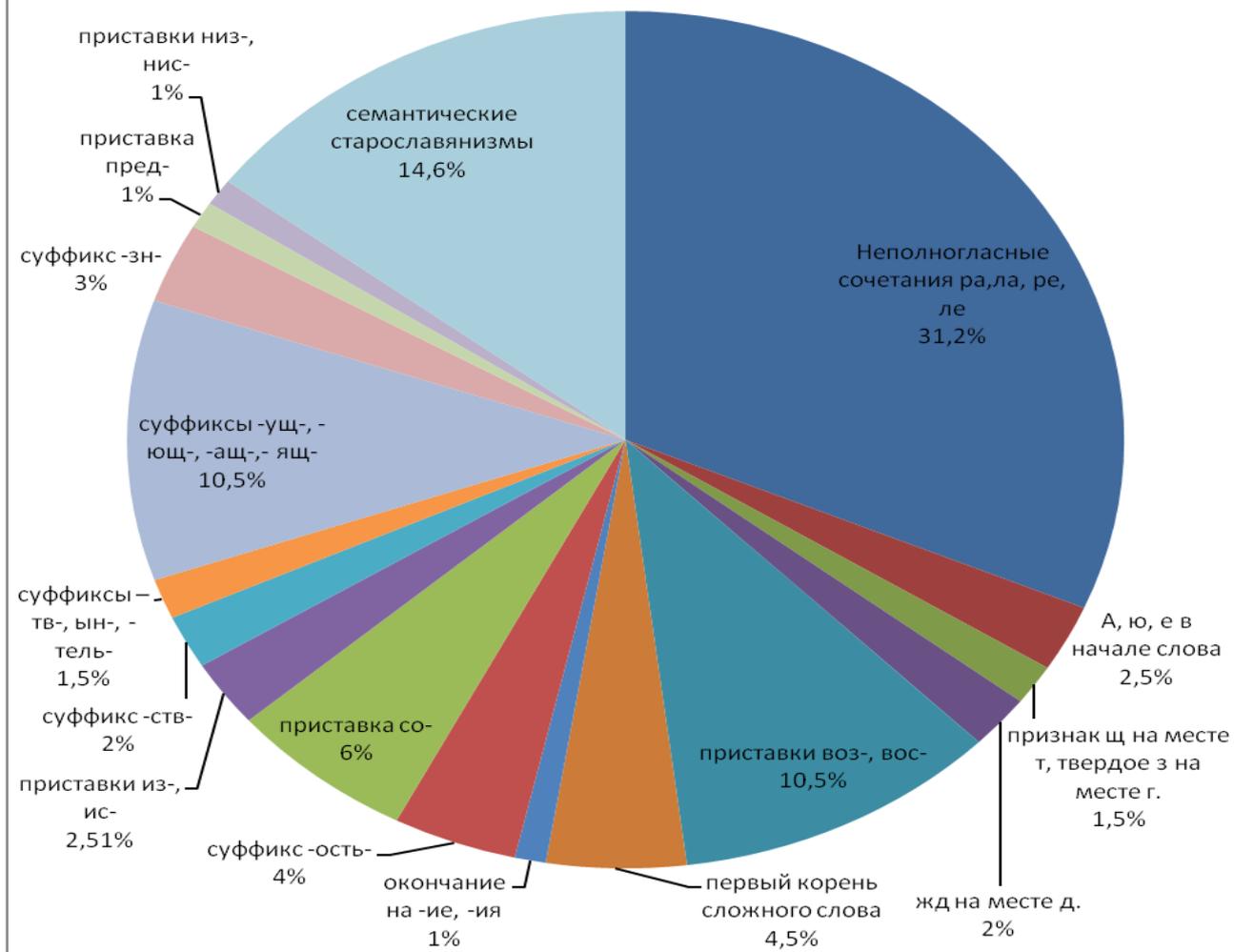
Например: **Вотще!** Не для меня долины и леса [1, с. 138].

Проанализировав старославянизмы в творчестве Баратынского и Лермонтова, мы можем сказать, что поэты часто обращаются к старославянизмам как к выразительному средству художественной речи.

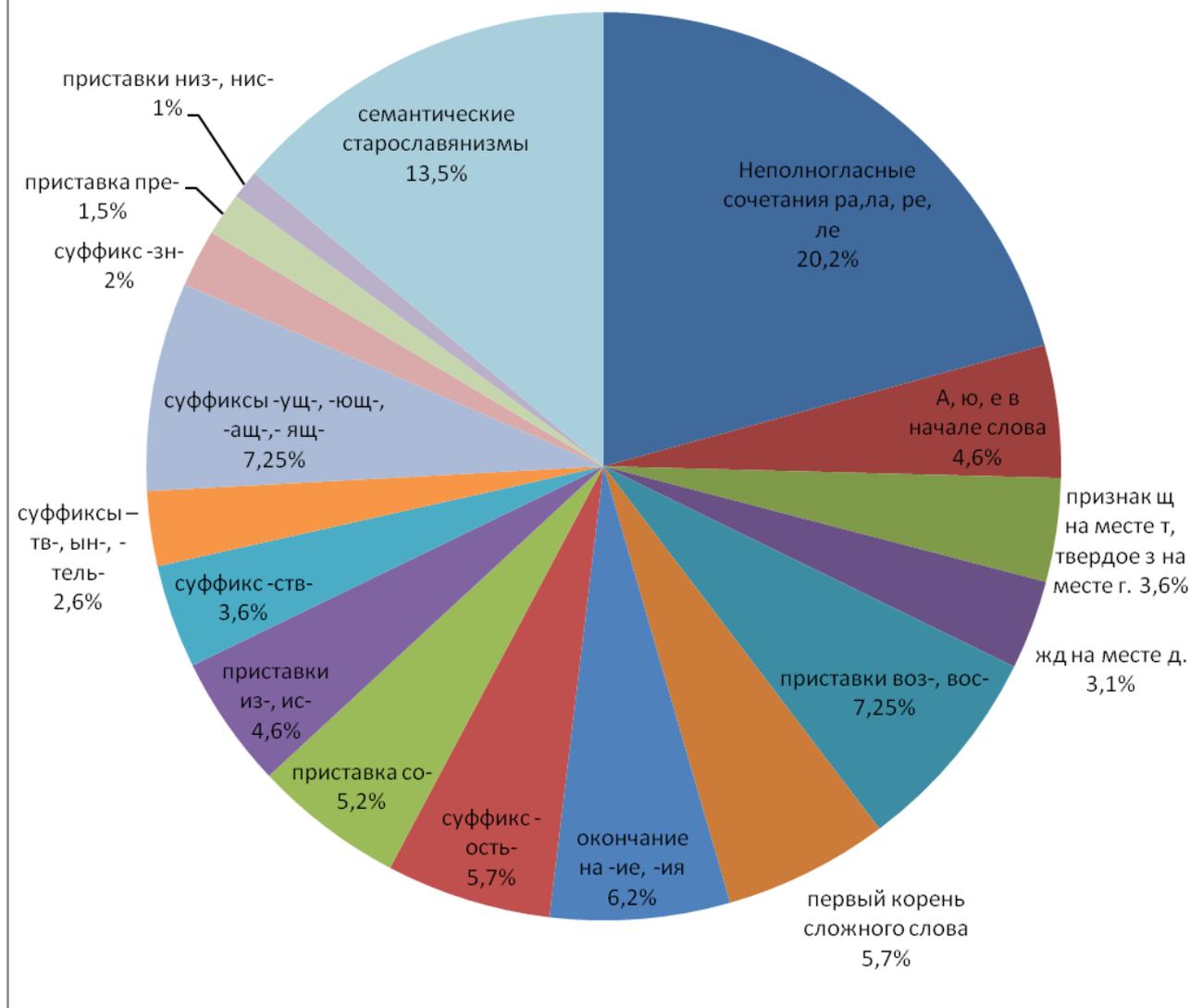
Баратынский и Лермонтов при помощи старославянизмов придают высокий, торжественный, эмоционально приподнятый тон своим стихотворениям, используют огромное количество абстрактной лексики, созданной при помощи старославянских аффиксов, употребляют старославянизмы для соблюдения ритма стихотворений и воссоздают определенный исторический колорит.

Результаты проведенного исследования можно представить в виде следующих диаграмм:

Старославянизмы в поэзии Е.А. Баратынского

Старославянизмы в поэзии М.Ю. Лермонтова

Библиографический список

1. Боратынский Е. А. Полное собрание сочинений и писем. Т. 1. Стихотворения 1818 - 1822 годов / Е.А. Боратынский; ред. А. Р. Зарецкий, А. М. Песков, И. А. Пильщиков. - М.: «Языки славянской культуры», 2002. - 512 с.
2. Лермонтов М. Ю. Сочинения в двух томах. Том первый / М. Ю. Лермонтов. Сост. и комм. И.С. Чистовой; вступ. ст. И.Л. Андроникова. - М.: Правда, 1988. - 720 с.

УДК 811.161.1

Плесканюк Т.Н.

Нижегородский институт менеджмента и бизнеса

ТЕКСТОКОГЕРЕНТНАЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МАТРИЦА КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ СВЯЗНОСТИ В ТЕКСТАХ НАУЧНОГО СТИЛЯ

Аннотация

В составе текстокогерентных словообразовательных матриц научных текстов присутствуют самые разнообразные словообразовательные последовательности,

непосредственно связанные между собой вертикальной межпоследовательностной связью посредством всевозможных повторов, параллелизма и наложений, что позволяет матрице максимально эксплицировать текстовую целостность логического типа.

Adstract

There are a wide variety of word-forming sequences in text derivational matrixes of scientific texts. They directly related to each other by means of a vertical coherence with sorts of repetitions, parallelism and overlapping, allowing the matrix to explicate the logical integrity of the text type.

Ключевые слова: текст, словообразовательная последовательность текстокогерентная словообразовательная матрица, связность, научный стиль

Key words: text, word-formation sequence, text derivational matrix, coherence, scientific style

Словообразовательные последовательности разных типов являются значимыми средствами формирования словообразовательной текстовой связности, потому что объединяют сходные в семантическом и структурном отношении слова как элементы разных предложений в тексте, так сказать, «естественным образом», в силу наличия системно-языковых словообразовательных отношений между ними [5]. Это способствует формированию тематической и коммуникативной перспективы текста, его ассоциативно-смыслового фона, а также повышает экспрессивность текстовых фрагментов. Словообразовательные последовательности, как однокорневые, так и разнокорневые, вступают в тексте в разнообразные отношения и образуют тем самым структурно организованное целое – текстокогерентную словообразовательную матрицу как комплексное средство текстовой словообразовательной связности [4]. Текстокогерентные словообразовательные матрицы имеют структурно-семантические особенности своей реализации в текстах научного стиля.

Научный стиль отличается специфической сферой употребления – это научная деятельность. Кроме функции общения в научном стиле реализуется информативная и воздействующая (доказательство) функции языка. Он выступает главным образом в письменной форме, но может выступать и в устной (лекция, доклад). Как пишет А.И. Горшков: «Общие черты научного стиля, определяемые единством содержания и языкового выражения научных текстов, таковы: 1) отвлеченность и обобщенность, 2) подчеркнутая логичность (последовательность, связность) изложения, 3) точность [2].

Итак, научный стиль речи есть речевая система, функционирующая как форма логически организованного существования научной информации, представляющей результаты научного творческого мышления, и как средство обмена этой информацией в обществе. Принцип логической организации содержания и формы пронизывает научную речь. А.Н. Васильева констатирует, что «в научной речи главным стилеопределяющим фактором является её содержательная сторона, где господствуют принципы объективности (бессубъективности), абстрактности (отвлечения от частных, несущественных признаков), логичности (не зависящей от субъективных стимулов говорящего последовательности речевого движения)» [1: 21-22].

В научном стиле допустима образность, экспрессивность, эмоциональность, поскольку словесные образы помогают разъяснению понятий, а экспрессия способствует убеждению, доказательству. «Научный стиль не подавляет авторской индивидуальности. Образ автора просматривается в нем достаточно явственно. Научному стилю не свойственна замкнутость, он не отгорожен ни от официально-делового и публицистического стилей, ни от языка художественной литературы и разговорного языка» [2].

Все это обуславливает особый характер текстовой связности в научном тексте, в том числе словообразовательной связности. Все виды связности в научном стиле подчинены задаче логического обоснования доказываемого тезиса или опровержение чужих взглядов на рационально-логической основе [3].

Так, в примере из монографии «Принципиальные вопросы квантовой механики» логическая связность достигается включением в последовательности отвлеченных

отглагольных и отадективных существительных суффиксального типа и относительных прилагательных на базе абстрактных существительных, принадлежащих к научному стилю речи:

Мы рассмотрели влияние некоторой неопределенности в начальных данных на предсказуемость состояния механической системы в будущем. Однако и в процессе самого движения частицы на нее будут действовать силы, которые не могут быть точно предсказаны. В реальных физических условиях эти силы неизбежны, они могут быть весьма малыми. Это могут быть, например, силы, вызванные толчками, сообщаемыми телу молекулами среды, или ее турбулентностью, или другими неоднородностями среды, носящими случайный характер (Д.И. Блохинцев).

Текстокогерентная словообразовательная матрица текста включает следующие словообразовательные последовательности:

1) двухзвенная однокорневая словообразовательная последовательность (словообразовательная пара): *который – некоторый*;

2) трехзвенная разнокорневая одно модельная словообразовательная последовательность (фрагмент словообразовательного типа отвлеченных отглагольных существительных): *влияние – движение – состояние*;

2) трехзвенная разнокорневая одно модельная словообразовательная последовательность (фрагмент словообразовательного типа отвлеченных отадективных существительных): *неопределенность – предсказуемость – неоднородность*;

4) Четырехзвенная разнокорневая одно модельная словообразовательная последовательность отвлеченных прилагательных с синонимическими суффиксами, представленная фрагментом словообразовательной категории (фрагмент словообразовательного типов отвлеченных прилагательных с суффиксом -(И)ЧЕСК- и с суффиксом -Н-): *механический – физический + начальный – случайный*.

Разнокорневые последовательности с отвлеченными существительными формируют смысловую перспективу текста – его тематику и проблематику, а последовательность с прилагательными создает требуемую признаковую детализацию изображаемого объекта в тексте.

влияние	неопределенность	механический – физический
движение	= предсказуемость	← +
состояние	неоднородность	начальный – случайный
	который – некоторый	

В следующем фрагменте текстокогерентной словообразовательной матрицы из современного текста по философии семиотики наблюдаются аналогичные отношения схождения, пересечения, включения горизонтальных, вертикальных и интегрирующих связей в разнотипных словообразовательных последовательностях в ее составе, которые представлены в основном словообразовательными типами отвлеченных отглагольных существительных и прилагательных:

Семиотические идеи, хотя и содержатся в любой серьезной философской системе, далеко не всегда выделяются в отдельный раздел. Однако история философской семиотики требует извлечения и отдельного описания последовательного развития семиотических идей в философии. Эта задача представляется очень нелегкой, так как каждая философская система рассматривает проблему семиотики в своем контексте, и поэтому необходимо считаться как со всем контекстом системы, в который семиотические идеи входят как составная часть, так и с поступательным ходом развития философского знания в его исторической конкретности, когда наряду с реальным продвижением существует и мнимое, а нередко и отступление назад, прикрытое философской терминологией (И.А. Хабаров).

Здесь можно выделить две сквозные, стержневые двухзвенные однокорневые словообразовательные последовательности, которые формируют содержательно-

вещественный план и смысловую перспективу текста:

1) двухзвенная однокорневая словообразовательная последовательность (словообразовательная пара): *философия – философский*;

2) двухзвенная однокорневая словообразовательная последовательность (словообразовательная пара): *семиотика – семиотический*.

Параллельны и пересекающиеся вертикальные межпоследовательностные связи с базовыми последовательностями обнаруживают следующие последовательности:

3) пятизвенная разнокорневая одно модельная словообразовательная последовательность, представленная фрагментом словообразовательной категории (фрагмент словообразовательного типа отвлеченных производных отглагольных существительных с суффиксом -(Е)НИ(Ж) + существительное с суффиксом -(Т)И(Ж)-): *извлечение – описание – знание – отступление + развитие*;

4) двухзвенная разнокорневая одно модельная словообразовательная последовательность, представленная фрагментом словообразовательного типа отвлеченных производных прилагательных на базе глагола: *отдельный – последовательный*;

5) двухзвенная разнокорневая одно модельная словообразовательная последовательность, представленная фрагментом словообразовательного типа возвратных глаголов с семантикой логического отношения: *содержаться – выделяться*.

философия – философский = семиотика – семиотический

извлечение – описание – знание – отступление – развитие

+ отдельный – последовательный

+ содержаться – выделяться

Вертикальные межпоследовательностные связи в матрице формируют эксплицитную логическую связность, что усиливается их взаимодействием со средствами связи лексического уровня – разнообразными **повторами** ключевых слов: *философия, философский, семиотика, семиотический, развитие, система, контекст* и др., и грамматического уровня – анафорическими указательными местоимениями *это*, синтаксическим параллелизмом, союзами и пр.

Это еще раз доказывает мысль о тесном взаимодействии разнообразных средств, формирующих связность текста на всех уровнях языка (лексическом, словообразовательном, грамматическом). Таким образом, текстокогерентная словообразовательная матрица выступает как часть более общего единого межуровневого комплекса средств эксплицитной и имплицитной текстовой связности [3].

Текстокогерентная словообразовательная матрица даже малого фрагмента текста научного стиля может иметь очень богатую и разветвленную структуру горизонтальных, вертикальных и интегрирующих связей, что демонстрирует следующий пример:

Ритмика экспрессивной речи ни в одном языке и ни при каких условиях не может оказаться тождественной ритмической организации нейтральной речи. Увеличение числа пауз и их протяжённости, неустойчивый темп, эмфатические ударения, специфическая сегментация, более контрастная мелодика, удлинение сонантов, шипящих, затянутая выдержка смычки у взрывных, волюнтаривная растяжка гласных, влияющие на соотношение длительности ударного и безударного слогов в ритмогруппе, нарушают господствующие в языке ритмические тенденции (Т. Поплавская).

Отметим, что здесь в формировании словообразовательной связности участвуют практически все слова текста, которые организованы в большое количество разнообразных однокорневых и разнокорневых последовательностей:

1) Трехзвенная однокорневая словообразовательная последовательность, представленная фрагментом словообразовательной парадигмы от *ритм*: *ритмика – ритмический – ритмогруппа*, которая является сквозной и формирует смысловую

перспективу текста.

За счет общих компонентов **ритмика** и **ритмический** эта последовательность вступает в вертикальные межпоследовательностные связи с двумя разнокорневыми последовательностями;

2) двухзвенная разнокорневая одно модельная последовательность абстрактных производных существительных (фрагмент словообразовательного типа): *ритмика – мелодика*;

3) трехзвенная разнокорневая одно модельная последовательность производных абстрактных относительных прилагательных терминологического значения, представленная фрагментом словообразовательного типа с суффиксом –(И)ЧЕСК-: *ритмический – специфический – эмфатический*.

Структурные вертикальные параллельные связи со второй последовательностью *ритмика – мелодика* составляют:

4) двухзвенная разнокорневая одно модельная последовательность абстрактных производных отглагольных существительных с суффиксом –АЦИ(Я)- (фрагмент словообразовательного типа): *организация – сегментация*;

5) четырехзвенная разнокорневая одно модельная последовательность абстрактных производных отглагольных существительных с суффиксом –(Е)НИ(Я)- (фрагмент словообразовательного типа): *увеличение – ударение – удлинение – соотношение*;

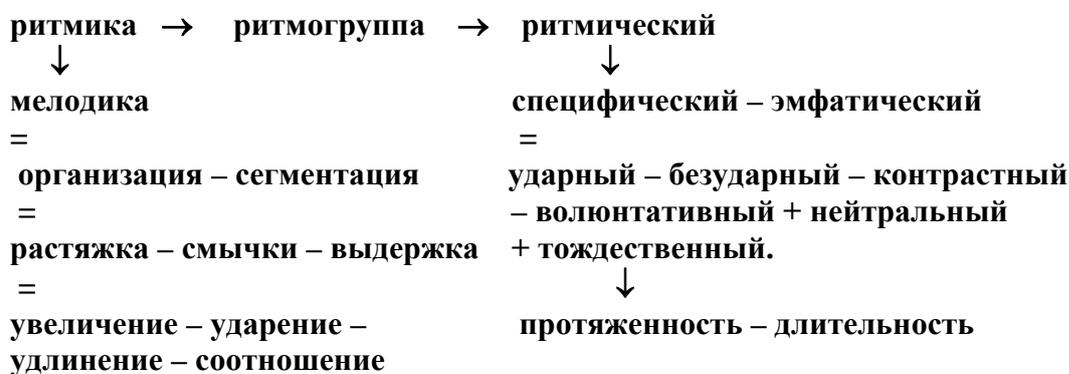
6) трехзвенная разнокорневая одно модельная последовательность абстрактных производных отглагольных существительных с суффиксом –К- (фрагмент словообразовательного типа): *растяжка – смычки – выдержка*.

Структурную вертикальную параллельную связь с третьей последовательностью *ритмика – мелодика* составляет:

7) шестизвенная разнокорневая одно модельная последовательность производных абстрактных относительных прилагательных терминологического значения, представленная фрагментом словообразовательного типа с суффиксом –Н- (с его формальным вариантом – ЕНН-): *ударный – безударный – контрастный – волюнтаристивный + тождественный*.

8) Интегрирующей по отношению к последовательностям, включающими прилагательные, является двухзвенная разнокорневая последовательность абстрактных производных отадективных существительных с суффиксом –ОСТЬ- (фрагмент словообразовательного типа): *протяженность – длительность*.

В результате получается довольно сложная структурная организация, включающая структурно-семантические горизонтальные отношения внутри последовательностей, на которые накладываются вертикальные межпоследовательностные связи, непосредственно эксплицированные общностью членов последовательности, и параллельные имплицитные вертикальные связи, обусловленные структурным сходством моделей.

Таким образом, в составе текстокогерентных словообразовательных матриц научных текстов присутствуют самые разнообразные словообразовательные последовательности, непосредственно связанные между собой вертикальной межпоследовательностной связью

посредством всевозможных повторов, параллелизма и наложений, что позволяет матрице максимально эксплицировать текстовую целостность логического типа.

Библиографический список

1. Васильева А.Н. Курс лекций по стилистике русского языка. Научный стиль речи. – М.: «Русский язык», 1976. – 192 с.
2. Горшков А.И. Русская стилистика: Учеб. пособие / А. И. Горшков. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2001. – 367 с.
3. Плесканюк Т.Н. Комплексные средства словообразовательной связности текста (структурно-семантический аспект): дис. ... канд. филол. наук. – Н.Н., 2014. - С. 115-122.
4. Плесканюк Т.Н. О термине и понятии «Текстокогерентная словообразовательная матрица» // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2014. – №о 1 (29). – Режим доступа: www.scientific-notes.ru/pdf/034-019.pdf.
5. Плесканюк Т.Н. Словообразовательная последовательность как средство текстовой словообразовательной связности // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 1. – Режим доступа: www.science-education.ru/115-12099.

УДК 811.161.1

Твердохлеб О.Г.

Оренбургский государственный педагогический университет

ВАЛЕНТНОСТНОЕ ОКРУЖЕНИЕ ГЛАГОЛА «СОЕДИНИТЬ»: АГЕНС (лица) — ОБЪЕКТ (части тела человека)

Аннотация

В статье исследованы конструкции современного русского языка, образованные глаголом «соединить». Описаны имена тематической группы «части тела человека» в позиции объекта в предложениях при глаголе «соединить». Выявлены грамматические особенности этих имен, представленных в предложениях в позиции объекта.

Abstract

The article examines the structure of modern Russian language formed by the verb to combine. Describes the names of the thematic group parts of the human body in the object position in sentences with the verb to combine. Identified grammatical features of these names in the sentences in the object position.

Ключевые слова: семантические актаны, объект, наименования частей тела человека

Key words: semantic actants, object, names of human body parts

В последние десятилетия в рамках семантического синтаксиса много внимания уделяется проблеме валентностного окружения глагола. Ранее мы уже описывали валентностное окружение глаголов «отделения» [30], «покрытия» [31], «разрушения» [32]. В этой работе мы продолжим [33; 34] исследование семантического актанта ОБЪЕКТ, представленного в предложениях с глаголами лексико-семантической группы «соединение» при АГЕНСЕ, представленном именами тематического класса (далее Т-класса – О.Т.) лица.

Проведенный нами анализ более 3000 конструкций, включающих глаголы лексико-семантической группы «соединение», показал, что ОБЪЕКТОМ ситуации, описываемой в предложении глаголом *соединить*, при АГЕНСЕ, представленным именами Т-классов лица, могут быть представлены имена (местоимения) разных Т-классов, в том числе, наименования частей тела, например: *Директор положил флажок, соединил возле груди растопыренные пальцы* (имя существительное – О.Т.) [27]; *Развел руки в стороны, словно*

открывая объятия, а затем с силой **соединил их** (местоимение – О.Т.) [13]. Употребление и имен, и местоимений при этом имеет некоторые особенности.

Наименования **частей тела человека**, названные при глаголе в активной форме в позиции ОБЪЕКТА, в нашей картотеке представлены следующими подгруппами:

1. части своего тела, т.е. части тела лиц, названных в позиции СУБЪЕКТА, а именно:

- пальцы (чаще) и палец, персты (реже): **Мелон соединил пальцы** в замок, и **закружился на месте** [6]; **Тим согнул указательный палец и соединил его** с большим [5]; ...**каждый** ...**соединяет три перста** правой руки [20];
- руки, ручищи, ручку: **Изобретатель** ...**только соединил руки** на широком, сильном колене [10]; ...**мальчик** ...**соединил толстые ручищи** между колен [9]; Стала на колени **Зоинька**, **Съединила ручку** с ручкою... [28];
- ладони: **Одновременно банкир соединил ладони** [8];
- кулаки: **Во-о-от большой**, — **негр сжал кулаки и соединил их** вместе, показывая, что один кулак **грабителя равнялся его** двум [14];
- брови: **Он** ...**сердито соединил брови** [12];
- ноги: **Когда же он**, **быстро расставив ноги**, **опять соединил их** [38];
- пятки: **Он чувствовал**, что положение его **оставленной ноги не подобает его положению**, и **он соединил пятки** [37];
- уши: ...**сладко прищурился Коровин и соединил улыбкой уши** [36];
- ресницы: **Она закрыла глаза**, **соединила накладные ресницы** [40];

2. части тела тех же нескольких лиц, что и названы в позиции СУБЪЕКТА, напр.: **Двое соединяют под водой руки**, а свободными руками берут за руки третьего [21]; ...**побратимы** **надрезают либо запястья, либо указательные пальцы, либо основания больших пальцев и соединяют их** [3, с. 110]; **Партнеры садятся напротив друг друга, где соединяют руки и ступни** [26];

3. части тела других лиц, отличных от лиц, названных в позиции СУБЪЕКТА, напр.: руки, ручонки, сердца, стопы, кости: ...**один из великих иерофантов, который соединил над пламенем руки жениха и невесты** [16]; **Здесь он снова заплакал, а потом, подозвав детей, соединил их ручонки** [25]; **Этой нитью я соединяю вместе стопы** мужчины и женщины [15];

4. части своего тела и части тела других лиц, в частности: руки, мизинцы, губы, глаза, ладони, раны: ...**он** (Шер – О.Т.) **соединил наши окровавленные руки** [11]; **Она** ... **соединяла свои темные, живые глаза с восхищенными глазами Ивана Степановича** [17]; **Старик** **быстро чиркнул лезвием по своей ладони, потом по ладони парня, затем соединил раны** и крепко сжал руку парню, перемешивая их кровь [7].

Перечисленные лексемы в позиции ОБЪЕКТА выражаются:

а) одиночными существительными или местоимением в форме винительного падежа множественного числа (в основном): **Изобретатель** ...**только соединил руки** (сущ. мн. ч. – О.Т.) **на широком, сильном колене** [10]; **Бухарские женщины** **красят брови в черный цвет и соединяют их** (мест. мн. ч. – О.Т.) **черной чертой** [23];

б) количественно-именным сочетанием ‘имя числительное в винительном падеже + имя существительное в родительном падеже множественном числе’: **Ляля** ...**соединила два мизинца**, **свой и Клавы Ивановны** [19]; ...**каждый** ...**соединяет три перста** правой руки [20]; **Леонид Иванович**, ...**опять соединил все десять пальцев в один большой кулак**... [10];

в) рядом однородных членов, выраженных именами существительными в форме винительного падежа единственного или множественного числа, не соединенных или соединенных союзами: ...**барон** ...**сшил нервы, сухожилия и мышцы** [1];

г) одиночным существительным (местоимением) в форме винительного падежа единственного или множественного числа, введенными в предложение с другим именем существительным, выраженным формой ‘с + творительный падеж’ и описывающим СООБЪЕКТ: Стала на колени **Зоинька**, **Съединила ручку с ручкою**... [28]; **Тим согнул**

указательный палец и **соединил** его с большим [5]; **Та** (Варвара – О.Т.) ...охватила руками его шею и **соединила** свои вишневые зубы с его зубами [22];

д) одиночными существительными в форме винительного падежа единственного числа, ср.: ...**барон** успел **склеить** раздробленное ребро и **закрепить** грудную клетку корсетом, после чего ...**соединил** перебитую кость [1]; ...некий маэстро Якомо да Перуджа, весьма превосходнейший **хирург**. **Он** удивительно **соединил** мне кость [39].

Особенностью описываемых конструкций является возможность включения в его состав еще одного существительного в родительном падеже, называющего часть части тела, напр.:

- пальцы (персты) рук (руки): ...**он** **соединил** пальцы правой руки в щепоть и потер ими, протерев дыру в невидимой ткани [35]; ...**каждый** ...**соединяет** три перста правой руки [20];
- кончики пальцев: **Он** **соединил** кончики пальцев и откинулся в кресле [4];
- кисти рук: **Она** **соединила** кисти рук лодочкой перед подбородком... [2];
- основания пальцев: ...**побратимы** **надрезают** ...основания больших пальцев и **соединяют** [3, с. 10];
- подушечки мизинцев: **Яков** Матвеевич **сосредоточился**, **соединил** вместе подушечки мизинцев... [24];
- пальцы ладоней: **Хмонг** **соединил** пальцы ладоней, поднял на уровень груди и мягко ткнул ими в мою сторону [29].

Интересна конструкция с группой из двух родительных, называющую «часть части части тела», в частности, кончики пальцев рук: ...**он** (Цэрин – О.Т.) **соединил** кончики пальцев встретившихся рук [18].

Таким образом, наименования частей тела человека, названные в позиции ОБЪЕКТА при глаголе «соединить» в активной форме, представлены несколькими подгруппами. В предложениях в позиции ОБЪЕКТА они находят свое выражение в определенных грамматических формах.

Библиографический список

1. Акунин Б. Квест. URL: [http:// www.samvel.net/text/lib/00047792.txt](http://www.samvel.net/text/lib/00047792.txt) (дата обращения: 13.06.2015).
2. Бондарев Ю.В. Берег. URL: [http:// militera.lib.ru/prose/russian/bondarev3/13.html](http://militera.lib.ru/prose/russian/bondarev3/13.html) (дата обращения: 13.06.2015).
3. Боташов М.Д. Побратимство у карачаевцев // Этнографическое обозрение. – 2002. – № 1. – С. 108–123.
4. Быков Д. Орфография // Национальный корпус русского языка. URL: <http://search.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 10.03.2015).
5. Гервиц Г. Программа. URL: <http://litmir.net/b?b=149876&p=45> (дата обращения: 13.06.2015).
6. Есин Г. Образ зверя // Национальный корпус русского языка. URL: <http://search.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 10.03.2015).
7. Доценко В. Тридцатого уничтожить! // Национальный корпус русского языка. URL: <http://search.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 10.03.2015).
8. Дрюон М. Проклятые короли. URL: [http:// read.newlibrary.ru/read/dryuon_moris...koroli...8.html](http://read.newlibrary.ru/read/dryuon_moris...koroli...8.html) (дата обращения: 13.06.2015).
9. Дудинцев В. Белые одежды. URL: [http:// lib.ru/PROZA/DUDINCEW/odezhdy.txt_Ascii.txt](http://lib.ru/PROZA/DUDINCEW/odezhdy.txt_Ascii.txt) (дата обращения: 13.06.2015).
10. Дудинцев В. Не хлебом единым. URL: <http://bookz.ru/authors/dudincev-vladimir/onebread/1-onebread.html> (дата обращения: 13.06.2015).
11. Завойчинская М. Алета. URL: [http:// samlib.ru/z/zawojchinskaja_m_w/aleta.shtml](http://samlib.ru/z/zawojchinskaja_m_w/aleta.shtml) (дата обращения: 13.06.2015).

12. Ильф И., Петров Е. Золотой теленок. URL: [http:// litteras.ru/proza7_2.html](http://litteras.ru/proza7_2.html) (дата обращения: 13.06.2015).
13. Калиниченко Н. Сердце проходчика [Электронный ресурс] // URL: [http:// coollib.net/Книги/Русская фантастика 2013 сборник/read](http://coollib.net/Книги/Русская_фантастика_2013_сборник/read) (дата обращения: 13.06.2015).
14. Козырева Е. Дамская охота // Национальный корпус русского языка. URL: <http://search.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 10.03.2015).
15. Корсаков В.В. Скорбные дни. URL: [http:// az.lib.ru/k/korsakow_w_w/text_1904_skorbnye_dni.shtml](http://az.lib.ru/k/korsakow_w_w/text_1904_skorbnye_dni.shtml) (дата обращения: 13.06.2015).
16. Крыжановская В.И. Законодатели. Т. 15. URL: [http:// www.litres.ru](http://www.litres.ru) > ... > Вера Крыжановская-Рочестер > Законодатели (дата обращения: 13.06.2015).
17. Куприн А.И. Звезда Соломона. URL: [http:// https://books.google.ru/books?id=k7ojVgAAQBAJ](http://https://books.google.ru/books?id=k7ojVgAAQBAJ) (дата обращения: 13.06.2015).
18. Левин П. Око настоящего возрождения. URL: [http:// nemaloknig.info/read-253815/?page=20](http://nemaloknig.info/read-253815/?page=20) (дата обращения: 13.06.2015).
19. Львов А. Двор. URL: [http://www.e-reading.club/bookreader.php/ 137542/L'vov_ _Dvor,_kniga_1.html](http://www.e-reading.club/bookreader.php/137542/L'vov_-_Dvor,_kniga_1.html) (дата обращения: 13.06.2015).
20. Митр. Макарий (Бургаков). История русской церкви. URL: [http:// mirknig.mobi](http://mirknig.mobi)>...Макарий_Istoriya_russkoj_tserkvi...7... (дата обращения: 13.06.2015).
21. Маллене Е., Салури Р. Эстонская молодая проза. Сборник. 1978. URL: <http://books.google.ru/books?id=RwRdAAAAIAAJ> (дата обращения: 13.06.2015).
22. Медынский В.Р. Стена // Национальный корпус русского языка. URL: <http://search.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 10.03.2015).
23. Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. URL: [http://www.knigolubu. ru/...ek/puteshestvie_iz_orenburga_v_buharu.9498/?...](http://www.knigolubu.ru/...ek/puteshestvie_iz_orenburga_v_buharu.9498/?...) (дата обращения: 13.06.2015).
24. Михалкова Е.И. Призрак в кривом зеркале. URL: <https://books.google.ru/books?isbn=5425005679> (дата обращения: 13.06.2015).
25. Мордовцев Д.И. Ирод. URL: http://az.lib.ru/m/mordowcew_d_l/text_0970.shtml (дата обращения: 13.06.2015).
26. Партнеры садятся напротив друг друга... URL: <http://5fan.info/jgeqasqasujgrnaaty.html> (дата обращения: 13.06.2015).
27. Пелевин В. Вести из Непала. URL: http://nepal.ru/nepal/dif/vesti_iz_nepala.shtml (дата обращения: 13.06.2015).
28. Пушкин А.С. Бова. URL: http://litteras.ru/proza_20_14.html (дата обращения: 13.06.2015).
29. Скворцов В. Каникулы вне закона // Национальный корпус русского языка. URL: <http://search.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 10.03.2015).
30. Твердохлеб О.Г. Валентностное окружение глаголов лексико-семантической группы «отделение» // Вестник Оренбургского педагогического университета. «Естественные и гуманитарные науки». – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2007. – №2 (48). – С. 56–62.
31. Твердохлеб О.Г. Валентностное окружение глаголов лексико-семантической группы «покрытие» // Русский язык как средство межкультурной коммуникации и консолидации современного общества. Матер. Межд. науч.-практ. конф. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2007. – Т. 1. – С. 127–131.
32. Твердохлеб О.Г. Валентностное окружение глаголов лексико-семантической группы «разрушение» // Русский язык: исторические судьбы и современность: III Межд. конгресс исследователей русского языка. Труды и матер. – М.: МАКС Пресс, 2007. – С. 152–153.
33. Твердохлеб О.Г. Агнс (сверхъестественное существо) и объект в конструкциях, образованных глаголами соединения // ФИЛОЛОГОС. – Выпуск 2 (25). – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2015. – С. 75-78.
34. Твердохлеб О.Г. Валентностное окружение глагола «соединить»: агнс (сверхъестественное существо) — объект // ФИЛОЛОГОС. – Выпуск 2 (25). – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2015. – С. 62-66.

35. Терехов А. Каменный мост // Национальный корпус русского языка. URL: <http://search.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 10.03.2015).
36. Терехов А. Мемуары срочной службы // Национальный корпус русского языка. URL: <http://search.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 10.03.2015).
37. Толстой Л.Н. Божеское и человеческое.. URL: [http://www.e-reading.club/.../Tolstoy_-_Krug_chteniya_\(1904-1908\).Tom_v...](http://www.e-reading.club/.../Tolstoy_-_Krug_chteniya_(1904-1908).Tom_v...) (дата обращения: 13.06.2015).
38. Толстой Л.Н. После бала. URL: <http://bookz.ru/authors/tolstoi-lev/posle...posle...423.html> (дата обращения: 13.06.2015).
39. Челлини Б. Жизнь Бенвенуто, сына маэстро Джованни Челлини. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus15/Cellini/frametext15.htm> (дата обращения: 13.06.2015).
40. Щербина Н. Перестук Каблуков // Национальный корпус русского языка. URL: <http://search.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 10.03.2015).

СЕКЦИЯ 11. Германские языки

УДК 81

Долгова А.А.

филиал Омского государственного педагогического университета г. Тара

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОРПУСА КАК ИНСТРУМЕНТА ДЛЯ РАЗРАБОТКИ ДИДАКТИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ УРОКОВ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Аннотация

Статья посвящена проблеме внедрения информационных технологий в образовательный процесс. Автор изучает возможности использования корпуса как инструмента для разработки дидактических материалов для урока немецкого языка. В статье предлагаются примеры упражнений, составленных на основе выборки НКРЯ. Статья рассчитана на лингвистов, учителей иностранного языка.

Abstract

The article is devoted to the problem of introduction of the informational technologies in the educational process. The author studies the opportunities of using of the corpus as a tool for the development of didactic materials for the German lesson. Examples of exercises composed on the base of the sampling of the Russian National Corpus are offered in this article. This article is destined for linguists, teachers of foreign languages.

Ключевые слова: *немецкий язык, национальный корпус русского языка, информационные технологии*

Key words: *German language, national corpus of the Russian language, IT*

В начале этого столетия в России начата работа по созданию представительных корпусов для русского языка. Была создана Ассоциация «Национальный корпус русского языка». Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [4] размещен в сети Интернет с 2004 года. На данный момент объем корпуса, который постоянно обновляется, составляет более 500 млн. словоупотреблений. У корпуса есть важные отличия от существующих электронных библиотек, подборок прессы и других текстовых массивов. В первую очередь, это представительность и сбалансированность собраний текстов, отражающих все разнообразие речевых жанров и стилей.

Методики преподавания языков с использованием Корпуса отличаются тем, что обращены к реальным современным текстам, с которыми учащийся сталкивается в своей повседневной жизни. Именно такие тексты ему придется создавать и анализировать в быту и в профессиональной сфере. Опыты использования корпусов в образовании описаны многими исследователями [3]. Лингвистические корпусы используются как в обучении русскому языку, так и в обучении иностранным языкам [2]. На сайте <http://ruscorpora.ru> можно найти достаточно много методических разработок: статей, упражнений, тезисов, пособий.

Рис. 1 Скриншот страницы корпуса, где расположены методические разработки

Статьи		Документы	
Дата	Автор	Название	Тема
03/09/2009	Grabowski Lukasz	The National Russian Corpus as a teaching tool - general observations and case studies from the perspective of Russian language teaching in Poland	Национальный корпус русского языка и проблемы гуманитарного образования. Москва, 2007.
03/09/2009	Абыяка О.В.	Актуализация признаков концептов-мифологем	Национальный корпус русского языка и проблемы гуманитарного образования. Москва, 2007.
03/09/2009	Башкова И.В.	Данные корпуса на занятиях по синтаксису и лингвистическому анализу художественного текста	Национальный корпус русского языка и проблемы гуманитарного образования. Москва, 2007.
03/09/2009	Кыркунова Л.Г.	Дидактико-методические аспекты использования Национального корпуса русского языка в речеведческих курсах (на примере курса «Деловой русский язык»)	Национальный корпус русского языка и проблемы гуманитарного образования. Москва, 2007.
03/09/2009	Ширинкина М.А.	Дидактические возможности НКРЯ в рамках спецкурса для филологов «ИКТ в обучении русскому языку»	Национальный корпус русского языка и проблемы гуманитарного образования. Москва, 2007.

Мы рассматриваем возможности использования Национального корпуса русского языка (НКРЯ) в обучении немецкому языку как инструмента для разработки дидактических материалов к уроку.

На материале корпуса можно составлять различного рода задания, это займет намного меньше времени, чем их составление с использованием различных учебников и книг. Возможность поиска по грамматическим критериям позволяет автоматически получить примеры, из которых уже вручную можно выбрать наиболее подходящие для наших целей. Использование корпуса имеет еще одно преимущество. Скорость, с которой подбирается необходимый материал, позволяет составлять задания по мере необходимости, в соответствии с возможной проблемой или идеей. Благодаря этому преподаватель может найти необходимый материал или составить нужное упражнение непосредственно перед занятием – в связи с конкретной поставленной перед учащимися проблемой [1]. Рассмотрим на конкретных примерах возможности использования корпуса как инструмента для разработки дидактических материалов к уроку. Например, в течение урока можно предложить учащимся выполнить упражнение, где нужно определить принадлежность высказываний к определенному времени года. Для подготовки такого задания необходимо в поисковую строку вводить по очереди слова, характеризующие то или иное время года: снег, лёд, мороз – зима и так далее.

Предлагаем ознакомиться с нашим упражнением, составленным на основе выборки (НКРЯ):

<i>Прочитайте предложения и переведите.</i>	<i>Определите, о каком времени года идет речь</i>
Der Schneefielnochimmer, eshattesichnoch gar nichtaufgehellt. [Franz Kafka. Der Prozess (1914)]	Der Winter
Die Sonneschien warm. Bald war es Mai. Man erntete Rosen. [Patrick	Der Frühling

Süskind. Das Parfum: Die Geschichte eines Mörders (1985)]	
Einigetreten so ein, wiesie von der Straßekamen, imÜberzieher und Pelz. [FëdorMichajlovičDostojewski. Der Idiot (Hermann Röhl, 1981)]	Der Winter
GelbesHerbstlaubfiel von den kahlwerdendenBäumen. Der Wind fing die taumelndenBlätter und fegtesiebehutsamüber den Weg. [Nikolai Ostrowski. Wie der Stahl gehärtetwurde (ersterTeil) (1936-1977)]	Der Herbst
Allestrugdazubei, selbst die Hitze des Juli, der ebenbegonnenhatte. [IwanTurgenew. Väter und Söhne (1911)]	Der Sommer
Voller und hübscheristsiegeworden «, sagtesiedann und zogNatascha, derenGesichtganz rot vorKälteunter der Pelzkappehervorschaute, ansich. [Leo Tolstoj. Krieg und Frieden, 2. Band (Hermann Röhl, 1922)]	Der Winter
Was füereinStaub und eineHitze war auf der Wiese!..." [Thomas Mann. Buddenbrooks (1896-1900)]	Der Sommer
Kleider, Sättel, Zügel, alles war naß, schlüpfrig und zerweichtwie die Erde und die abgefallenenBlätter, die auf demWeglagen. [Leo Tolstoj. Krieg und Frieden, 4. Band (Hermann Röhl, 1922)]	Der Herbst
Wir müssen unsdazuverstehen, die Nachthierzuzubringen, «sagteerärgerlich.»BeieinemsolchenSchneegestöberkann man nichtdarandenken, den Berg zupassiren. [MichailJur'evič Lermontov. Ein Held unsererZeit (Wilhelm Lange, 1880)]	Der Winter
Draußenschmilzt der Schnee und der Himmeljubelt, daßeseinem die Brustzersprengt, und Siehockenhier in IhrerTropfsteingrottewieein alter Frosch... [Gustav Meyrink. Der Golem (1914)]	Der Frühling
Ersah den überdemFeuertanzendenSchneeflöckchenzu und dachtean den russischen Winter, an sein warmes, hellesHaus, seinenmolligenPelz, seine flinkenSchlitten, seinengesundenKörperundan all die Liebe und Fürsorge der Seinen. [Leo Tolstoj. Krieg und Frieden, 1. Band (Hermann Röhl, 1922)]	Der Winter
ÜberdreiWochenherrschte nun schonHitze und Trockenheit. [Leo Tolstoj. Krieg und Frieden, 3. Band (Hermann Röhl, 1922)]	Der Sommer

Также с помощью корпуса, можно составлять задания по грамматике, благодаря наличию лексико-грамматического поиска.

Например: *Проанализируйте значение временной формы в следующих предложениях.*

1. Schon immer hat der Sport diese anziehende Wirkung gehabt auf Menschen mit viel Geld. [Michael Ashelm. Wer kauft den Sport? Im Reich der Milliardäre [ABBYY LingvoPRO] (2010)].

2. Herr Wysokow, Sie haben vor kurzem ein Buch über die Entwicklung der Südregion geschrieben. [Ernst Welteke, Wassilij Wysokow. Investitionsmagnet Südrussland (2006)].

3. Aha, denkt ihr und pfeift durch die Zähne: Aha, Kästner hat geklaut! [Erich Kästner. Pünktchen und Anton (1931)].

4. Im achtzehnten Jahrhundert lebte in Frankreich ein Mann, der zu den genialsten und abscheulichsten Gestalten dieser angestrebten und abscheulichen Gestalten nicht armen Epoche gehörte. [Patrick Süskind. Das Parfum: Die Geschichte eines Mörders (1985)].

5. Hier schlief er auf dem blanken gestampften Erdboden. [Patrick Süskind. Das Parfum: Die Geschichte eines Mörders (1985)].

6. Er hatte es so ernst genommen, wie er jedes Spiel und jede Geschichte nahm—ohne dabei je an Folgen zu denken. [Michael Ende. Momo (1973)].

7. Sophies Mutter hat schon oft an Trennung gedacht. [Diana Engel. Kinder leiden mit: Rat und Hilfe bei häuslicher Gewalt [ABBYY LingvoPRO] (2009)].

8. An einer Stelle war die steile Wand der Erhebungen stärker von dem grünen Gelock der Bäume bedeckt. [Nicolaj Gogol. Die toten Seelen (Michael Pfeiffer, 1978)].

9. Mit solchen Gedanken beschäftigt, kehrte er nach Hause zurück, nachdem er kaum eine Viertelstunde spazieren gegangen war. [Fëdor Michajlovič Dostojewski. Der Idiot (Hermann Röhl, 1981)].

10. "Das will ich nicht gesagthaben", antwortetesieausweichend. [Patrick Süskind. Das Parfum: Die Geschichte eines Mörders (1985)].

Таким образом, при работе с корпусом учитель может использовать тщательно отобранные цитаты в раздаточном материале с хорошо проработанными инструкциями и заданиями – что является традиционной моделью обучения. Очевидные преимущества работы с НКРЯ нельзя не использовать при подготовке к уроку. Корпус – это новые возможности в методике обучения иностранным языкам.

Библиографический список

1. Добрушина Н.Р. Что такое национальный корпус русского языка // Первое сентября. – 2006. – №7. – С.35-39.
2. Киселева Н.А., Долгова А.А. Информационные технологии в обучении иностранным языкам: Национальный корпус русского языка// Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков: сборник статей международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков» (28 марта 2014 года, г. Омск). – 2014. – С.20-24.
3. Киселева Н.А., Долгова А.А. Методы корпусной лингвистики в работе учителя иностранного языка // Славянские чтения – 9: сборник статей международной научно-практической конференции «Славянские чтения – 9» (24 мая 2014 года, г. Тара). – Омск: Полиграфический центр КАН, 2014. – С. 54-59.
4. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]: – Режим доступа: WWW. URL <http://www.ruscorpora.ru>

УДК 811.111

Комягина О.В., Зубкова Д.Н.

Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых

ПРОБЛЕМЫ И ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ OF-ФРАЗ И 'S-ГЕНИТИВОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация

Статья посвящена особенностям употребления of-фраз и 's-генитивов в английском языке. Рассматриваются общие случаи употребления of-фраз и 's-генитивов. Опрос, проведенный среди носителей английского языка, позволил установить спорные вариативные случаи употребления данных конструкций, а также выявить частотность их использования.

Abstract

The article is devoted to the use of-phrases and 's-genitives in the English language. The article deals with the general use of the of-phrases and 's-genitive. A survey among native speakers of the English language allowed to establish the disputed variable use of the structures, and to identify the frequency of their use.

Ключевые слова: притяжательный падеж, двойной генитив, групповой притяжательный падеж, of-фраза, 's-генитив

Key words: the possessive case, double genitive, group genitive, of-phrase, 's-genitive

Данная работа посвящена проблеме выявления особенностей употребления of-фраз и 's-генитивов в английском языке, а также частотности их употребления. В современном английском языке категория падежа все еще остается предметом лингвистических дискуссий, так как до сих пор не существует единого мнения по некоторым аспектам этой проблемы, а значит, лингвистические поиски в этой области являются актуальными для

теории грамматики английского языка. Английский язык, как и любой другой язык, находится в постоянном развитии. Для того чтобы определить какие формы являются типичными для языка, а какие уже вовсе вышли из употребления необходимо постоянно следить за его развитием. Более того, существует множество спорных вопросов в отношении выбора of-фраз и 's-генитивов в английском языке, в решении которых ученые не могут прийти к общему мнению.

Согласно И.И. Прибыток [4], понятие падежа берет свое начало в Древней Греции. Однако в то время его интерпретировали немного иначе. Так, Аристотелем было предложено определение падежей как «отклонений» от существительных и глаголов, благодаря их логически-независимой позиции в предложении, то есть согласно Аристотелю и существительные и глаголы имели падежи.

Последователи философии стоицизма ограничили использование термина «падеж» в отношении парадигмы существительного. Именно они первыми дали название падежам: «прямой, или именительный, родительный, дательный, винительный, звательный и творительный».

В настоящее время падеж обычно рассматривается как морфологическая форма склоняемого слова, используемая для выражения определенного значения или для обозначения определенного отношения к другим словам.

По мнению Б. А. Ильиша, падеж – это категория существительного, выражающая связь между предметом, выраженным существительным и другим предметом, свойством или действием [2].

Авторы, рассматривающие проблему существования падежей в английском языке, пользуются разными терминами. Так, например, для обозначения принадлежности в английском языке используется следующая терминология: родительный падеж, притяжательный падеж, генитив, посессив. Если рассматривать слово «генитив», можно проследить, что оно происходит от латинского слова *genus*, что означает «род». То есть, по существу эти термины можно считать синонимами.

В английском языке существует так называемый «групповой притяжательный падеж», оформляющий целую синтаксическую группу. Например, *somebody's else child; the man I saw yesterday's son*. Данное явление не свойственно падежам в других языках, поскольку грамматическое окончание в принципе не может отделяться от существительного и перемещаться в конец синтаксической конструкции. В связи этим некоторые исследователи вообще отрицают наличие каких-либо падежей в английском языке, рассматривая окончание 's как некоторый синтаксический элемент, выражающий значение «принадлежности». В таком случае, естественно, нет смысла говорить и о наличии общего падежа, поскольку тогда исчезает противопоставление форм, так как для существования грамматической категории необходимо наличие хотя бы двух различающихся своим содержанием форм [1, с. 132-135].

Интересно, что в предложенном нами предложении *I was surprised to meet (1) the son of the man I saw yesterday/ (2) the man I saw yesterday's son* 90% британцев и американцев выбрали первый вариант. Второй же вариант они посчитали «странным», «некорректным», «грамматически неправильным», «не имеющим смысла», «несуществующим».

Стандартный способ образования притяжательного падежа существительных в единственном числе – это добавление 's. Например, *my sister's little girl*– дочка моей сестры [3, с. 14-15].

В английском языке притяжательный падеж может также образовываться падежа при помощи предлога *of*. Несмотря на то, что флективный притяжательный падеж и притяжательный падеж с использованием предлога *of* могут иметь одно и то же значение, они не всегда взаимозаменяемы. Например:

Флективный притяжательный падеж	Притяжательный падеж с использованием предлога <i>of</i>
<i>Tom's taxi</i>	<i>the taxi of Tom</i>

a <i>soup's</i> bowl	a bowl of soup
----------------------	----------------

Если притяжательное существительное является **одушевленным**, нужно использовать флективный притяжательный падеж. Это общее правило в большинстве случаев помогает решить, какую из форм притяжательного падежа выбрать. Например:

Флективный притяжательный падеж	Притяжательный падеж с использованием предлога of
the <i>gentleman's</i> hat	? the hat of the gentleman
the <i>cat's</i> dish	the dish of the cat
our <i>family's</i> house	the house of our family

Однако и здесь могут быть исключения. Так, невозможность использования конструкции the hat of the gentleman, по мнению Сильвии Чокер [6], можно поставить под сомнение. Действительно, по результатам проведенного исследования данную конструкцию выбрали 10% опрошенных британцев. Если притяжательное существительное является **неодушевленным**, целесообразно использовать притяжательный падеж с предлогом of.

Притяжательный падеж с использованием предлога of	Флективный притяжательный падеж
a map of <i>Australia</i>	? Australia's map
a glass of <i>water</i>	water's glass
the back of <i>the room</i>	the room's back

Случай *Australia's map* по мнению Сильвии Чокер также не является однозначно неправильным. Согласно проведенному исследованию, в предложении - *Australia has several regions with varying weather condition. Seeing (1) the map of Australia/ (2) Australia's map would show you that each city has different weather in a year* - 92, 3% британцев выбрали первый вариант, так как данный вариант является официальным и наиболее подходящим в данном контексте. Однако 7,7% британцев выбрали второй вариант, так как именно этот вариант, по их мнению, является разговорным. 71,4% американцев выбрали второй вариант, объясняя это тем, что данный вариант является грамматически правильным. 28,6% американцев выбрали первый вариант, так как именно этот является официальным и правильным.

Все эти примеры позволяют говорить о том, что как и со многими другими обобщениями, правило о притяжательном падеже не является однозначным. Первая часть, согласно которой одушевленные существительные требуют использования флективного притяжательного падежа почти не вызывает сомнений. Настоящая проблема возникает со второй частью, в которой говорится что, неодушевленные существительные употребляются только с притяжательным падежом с предлогом of. Итак, флективный притяжательный падеж может быть использован со следующими типами неодушевленных существительных:

1) Неодушевленные притяжательные существительные, которые являются продуктом, созданным человеком:

Флективный притяжательный падеж	Притяжательный падеж с использованием предлога of
the <i>economy's</i> growth	the growth of <i>the economy</i>
the <i>performance's</i> success	the success of <i>the performance</i>
the <i>game's</i> rules	the rules of <i>the game</i>

2) Природные явления:

Флективный притяжательный падеж	Притяжательный падеж с использованием предлога of
the <i>storm's</i> damage	the damage of <i>the storm</i>
the <i>earth's</i> climate	the climate of <i>the earth</i>

3) Притяжательные существительные, которые выражают место и время:

Флективный притяжательный падеж	Притяжательный падеж с использованием предлога of

the city's population	the population of the city
the year's profits	the profits of this year

В то время как формы флективного притяжательного падежа и притяжательного падежа с использованием предлога of являются грамматическими, есть стилистическое различие между ними. В общем, формы флективного притяжательного падежа являются несколько формальными, в отличие от форм притяжательного падежа с использованием предлога of. Например, при написании доклада, то в качестве заголовка скорее подойдет форма the population of the city, чем the city's population.

Также флективный притяжательный падеж подразумевает общеизвестную или упомянутую ранее информацию, в отличие от притяжательного падежа с использованием предлога of. Например: We met *Jim's friend* last night (флективный притяжательный падеж) - We met *a friend of Jim's* last night (притяжательный падеж с использованием предлога of). При этом первое предложение, в котором употреблена форма флективного притяжательного падежа, подразумевает, что слушатель уже знает, кем является *Jim's friend*. А второе предложение с формой притяжательного падежа и предлога of, наоборот, подразумевает, что слушатель не знает, кем является *Jim's friend* [6, с. 39-40, 42-46].

Выбор между s-генитивом и of-фразой может меняться в зависимости от типа зависимого существительного, сложности зависимой фразы, ее информационного статуса, особого сочетания слов.

Новости общепризнанно характеризуются наивысшей частотностью s-генитива, вследствие того, что он представляет хороший способ сжатия информации. Низкая частотность s-генитивов в учебной литературе частично отражает тему учебной литературы, в которой люди и взаимоотношения играют менее важную роль.

Генитивы имеют тенденцию встречаться в установленных сочетаниях слов. Например: *at death's door*, *life's work*. Генитив со словом *sake* обладает высокой степенью продуктивности, например: *for God's sake*, *for goodness' sake*, *for heaven 's sake* etc.

Действительно, все участники проведенного опроса единогласно (100%) сделали выбор в пользу варианта *for heaven's sake* вместо *for the sake of heaven*. Британцы выбрали именно этот вариант, так как он представляет собой устоявшееся выражение, которое наиболее часто используется в речи, а американцы обосновали свой выбор тем, что второй вариант звучит более естественно и больше подходит для разговорной речи.

Особая форма притяжательного падежа используется для выражения притяжательного существительного, которое является личным местоимением или одушевленным существительным. Эту конструкцию иногда называют двойной притяжательный падеж или двойной генитив. Например: *He is a good friend of my husband's*.

Двойной генитив встречается гораздо реже, чем соответствующие конструкции с притяжательными местоимениями. Низкая частотность двойного генитива частично можно объяснить тем, что он может конкурировать с обычной постмодификационной of-фразой. Например: *a friend of Deborah's* — *a friend of Deborah*.

Главное существительное в двойном генитиве должен быть по существу неопределенным. Поэтому ему обычно предшествует неопределенный артикль, если главное существительное выражается именем нарицательным в единственном числе, либо такими словами как *some*, *several*. Например, *a friend of the doctor's*, *some friends of Jim's*, *several pupils of his*.

Как правило, двойной генитив обычно встречается с указательными местоимениями, например: *that irritating habit of her father's* [5:14-20].

Результаты нашего исследования показали, что как британцы, так и американцы при выборе of-фразы или 's-генитива в основном руководствуются тем, насколько та или иная фраза чаще употребляется в разговорной речи, насколько она им привычна в повседневной речи. Исходя из ответов, полученных в результате опроса, можно сделать вывод, что наиболее употребительной формой является s-генитив по сравнению с of-фразой. 80% ответов анкетирования соответствовали грамматическим нормам языка, однако были и

исключения, доказывающие развивающуюся тенденцию к использованию более кратких форм (конструкций 's) как в разговорной, так и в письменной речи.

Библиографический список

1. Гуревич В.В. Теоретическая грамматика английского языка. Сравнительная типология английского и русского языков: учебное пособие / В.В. Гуревич. – 7 изд. – М.: Флинта: Наука, 2012. – 168 с.
2. Ильиш, Б.А. Строй современного английского языка. Учебник по курсу теоретической грамматики для студентов педагогических институтов (на английском языке) – 2-е изд. – Л.: Просвещение, 1971. – 366 с.
3. Качалова, К.Н., Израилевич Е.Е. Практическая грамматика английского языка с упражнениями и ключами, Санкт-Петербург КАРО, 2014. – 600 с.
4. Прибыток, И.И. Теоретическая грамматика английского языка = Theory of English Grammar: учеб. пособие для студ. лингв. вузов и фак. ин. языков / И.И. Прибыток – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 408 с.
5. Lester M. McGraw-Hill's essential ESL grammar, 2008 – 344 с.
6. Chalker S. «Current English Grammar», Prentice Hall Europe, 1997. – 296 с.

СЕКЦИЯ 13. Классическая филология, византийская и новогреческая филология

УДК 821.14 02

Гарин С.В., Панасенко Т.А.

Кубанский государственный университет
Южный федеральный университет

СЕМАНТИКА ДОЛГА И ЛИЧНОСТИ В ЛИРИКЕ АРХИЛОХА

Аннотация

В статье рассматривается семантика и аксиология архилоховской лирики в векторах этического долга и индивидуально-личного. Анализируются ключевые смысловые конструкции, проявляющие дихотомию социального / индивидуального в творчестве поэта. Выявляются модальности ценностной оппозиции традиционной и индивидуалистической культуры древнегреческого общества на материале фрагментов поэзии Архилоха.

Annotation

The article discusses semantic and axiological aspects in Archilochus within the scopes of ethical duty and personality. Analyses key semantic structure, showing the dichotomy of social / individual in the work of Archilochus. The opposition of traditional and individualistic culture in Ancient Greek society identified.

Ключевые слова: Архилох, семантика, долг, личность, древнегреческая филология, лирика

Key words: Archilochus, semantics, duty, personality, Ancient Greek, lyrics.

Как известно, с развитием ранней древнегреческой лирики происходит формирование особой индивидуалистической интеллектуальной культуры, в которой зарождается новая система ценностей. Дифференциация социального долга и индивидуальной личной перспективы, зачастую противопоставляющей себя общепринятым нормам, отчётливо видна

уже в VII в. до н.э. в творчестве паросского поэта Архилоха.

Семантика долга, чаще всего, представленная реалиями социальных директив, правил поведения, уставов, соотносится с новой ценностно-смысловой реальностью индивидуального. Если для гомеровского грека вопросы дисциплины и порядка, особенно в военных действиях, это сакральные императивы, то для Архилоха, с его ощущением незначительности жизни наемника, воюющего в чужих землях, самым ценным становятся личные, индивидуальные переживания, скрашивающие утомительную службу. Например, находясь в дозоре, т.е. в ответственном военном задании, от которого может зависеть весь исход битвы, Архилох, игнорируя дисциплину и кодекс солдата, описывает винопитие на посту: ἀλλ' ἄγε σὺν κώθωνι θοῆς διὰ σέλματα νηὸς φοῖτα καὶ κοίλων πώματ' ἄφελκε κάδων, ἄγρει δ' οἶνον ἐρυθρὸν ἀπὸ τρυγός· οὐδὲ γὰρ ἡμεῖς νηφέμεν ἐν φυλακῆι τῆιδε δυνησόμεθα [6, fr. 5]. Здесь κώθων, ὄνος, отсылает к лаконскому кубку, чаще всего, использовавшемуся среди наемников и солдат, в то время, как νηφέμεν – от νήφω, дорийское νάφω, использовавшемся авторами чаще в презент индикативе, означающее «быть трезвым», способным «контролировать себя». Семантика долга и производной от него «должности» представлена φυλακῆι - от φύλακ-εύς, «смотрящий», «охраняющий», «присматривающий за местом». Конец фрагмента – термин δυνησόμεθα – от δύναμαι описывает «способность», «мочь», «иметь силу», в том числе и в смысле возможности морального поступка. Таким образом, здесь долг, служба (φυλακῆι) у Архилоха совмещаются с «халатностью» винопития. Примечательно, что поэт подвергает поэтическому осмыслению именно факт нарушения дисциплины как необходимого компонента индивидуума.

Вместо типичной гомеровской героики Архилох воспекает будничные, в каком-то смысле, даже «позорные», или низменные обстоятельства индивидуальной жизни наемника, участвующего в сражениях, смысла которых он не видит. Например, игнорируя описание ратных подвигов, столь сильно формирующих социальное понятие чести для солдата, Архилох поэтизирует прозаическую обыденность службы: ἐν δορὶ μὲν μοι μᾶζα μεμαγμένη, ἐν δορὶ δ' οἶνος Ἴσμαρικός· πίνω δ' ἐν δορὶ κεκλιμένος [6, fr. 2. l. 2]. «В копье моем замешан хлеб. И в копье же – вино измарское. Пью вино, опираясь на копье». Измарское вино, употребляемое на посту, пожалуй, служит своеобразным символом архилоховской «вольницы». В данном фрагменте мы видим типичную оппозицию «должности» с ее уставом и нарушающего его индивида.

Однако, пожалуй, самым разительным и контрастным фрагментом Архилоха, в свете интересующей нас темы «социального долга и личности», является пассаж, приводящийся Плутархом: ἀσπίδι μὲν Σαῖων τις ἀγάλλεται, ἣν παρὰ θάμνωι, ἔντος ἀμόμητον, κάλλιπον οὐκ ἐθέλων· αὐτὸν δ' ἐξεσάωσα. τί μοι μέλει ἀσπίς ἐκείνη; ἐρρέτω· ἐξαῦτις κτήσομαι οὐ κακίω [6, fr. 2. l. 2].

Здесь долгом выступает ἀσπίς, т.е. щит, элемент вооружения античного гоплита. Вместо привычного пиетета к воинской доблести и ее персонификации в символике оружия, однако, у Архилоха появляется тема «ценности жизни», жизни, которую необходимо «спасти» (ἐξεσάωσα). Конфликтность между жизнью и долгом выражается в том, что социальный устав воинской дисциплины велит хранить оружие, не отдавая его врагу, но особенности битвы, в которой участвовал Архилох, заключались в том, что выжить можно было только, бросив щит «под кустом» (θάμνος), оставив оружие какому-то саййцу (Σαῖων), т.е. врагу. Таким образом, бинарная конструкция долг / жизнь, в нарушение воинского устава решается в пользу последней. Архилох добавляет, «щит другой я найду (ἐξαῦτις) не плохой (οὐ κακίω)». Поэт аннигилирует всю военную патетику оружия, сводя ценность доспехов только к их наличной функции. Аксиология долга здесь оказывается лишенной своей символической функции, связанной с героизмом.

Таким образом, семантика индивидуального, личностного выразится здесь в терминах *сохранения* (ἐξεσάωσα), высвечиваясь на фоне традиционных символов воинского устава и героизма, составляющих категорию долга. Этот фрагмент, как известно, вызвал бурные дискуссии еще со времен античности. Архилоха упрекали и в трусости, и в глумлении над

«гомеровской стариной», поскольку паросский поэт использовал для своей циничной инвективы эпические гекзаметры Гомера. С другой стороны, Архилоха не признали бы «божественным» и не поставили на его родном острове Паросе святилища в его честь, если бы *пойэзис* Архилоха не был бы созвучным нарождающемуся индивидуалистическому мироощущению его современников.

Социокультурные выводы из этого фрагмента таковы, что для Архилоха, т.е. к VII в. до н.э., уже утратили силу традиционные регулятивы «долга», героики и воинской доблести. Архилоху «не стыдно» бросить щит врагу, сохранив собственную жизнь. Например, в Спарте за такой поступок гоплит неминуемо был бы приговорен к смерти. Однако, проблема в том, что для Архилоха в подобном деянии нет никакого позора (*ὄνειδος*), поскольку «жизнь дороже чести».

С Архилохом, безусловно, начинается становление осмысления внутреннего содержания личности, индивида, со всеми его психологическими и моральными атрибутами. В этой связи примечателен полнейший *агероизм*, своеобразная социальная апатия Архилоха, приводящая к отрицанию значимости социального долга. Не интересует античного автора и патриотизм. Как известно, родина для Архилоха – это место, где он не может стать гражданином, т.е. в *правовом*, гражданском смысле он индивид неполноценный, изгой. Социальная апатия, накладываясь на ежедневные военные будни, породила сознание никчемности, осознание «отсутствия будущего», жажду сиюминутного счастья и успокоения: «Никакой посмертной славы – наемник ценен лишь пока он жив», а, в обращении Главку - «ценность наемника длится лишь до той поры, пока он может сражаться»: *Γλαῦκ', ἐτίκουρος ἀνὴρ τόσσον φίλος ἔσκε μάχεται* [6, fr. 8]. Здесь *φίλος* как перспектива «*μάχεται*» определяется прагматической ценностью гоплита в его непосредственной функции боевой единицы. Здесь Архилох в очередной раз лишает долг и героику их традиционного символического значения, видя лишь наличное, индивидуальное.

Не стремится к поэтической торжественности Архилох и в своих зарисовках природной жизни. Так, остров Фасос рисуется, отчасти, уничижительно, показывая «заросший лесом выпирающий ослиный хребет»: *ἦδε δ' ὄστ' ὄνου ῥάχης ἔστηκεν ὕλης ἀγρίης ἐπιστεφής, οὐ γάρ τι καλὸς χῶρος οὐδ' ἐφίμερος οὐδ' ἐρατός, οἷος ἀμφὶ Σίριος ῥοάς* [6, fr. 21]. Если первые две строки показывают природную эстетическую непривлекательность Фасоса (чрезвычайно наглядно они представлены в переводе У. Харриса «but this (island) stands like the backbone of an ass crowned with savage woodland») [9, с. 57], то вторые две отражают оценочное, лично-архилоховское отношение к «местам боевой славы»: невзрачный край (*οὐ γάρ τι καλὸς χῶρος*), не милый (*οὐδ' ἐφίμερος*), не желанный (*οὐδ' ἐρατός*). Пожалуй, эти природные фрагменты показывают, насколько внешнее, в том числе и социальное, родовое, становится чуждым Архилоху. Из череды бессмысленных войн, в чужих местах, не радующих глаз, не имея возможности нормального человеческого пути гражданина у себя на родине, паросский поэт довольствуется только личным, внутренним. Этим, во многом, объясняется та трансформация ценностного гештальта в сторону внутреннего сознания, к индивидуально-личному, нарушающему уставы и директивы социального долга.

Распад устойчивости социума как некой объективной, предписывающей реальности, на наш взгляд, отражен во фрагменте, поэтически осмысляющим растерянность Архилоха, да и многих других жителей архаичной Греции VII в до н.э., перед лицом природных катаклизмов. Это повествование о неожиданном затмении, случившемся во время битвы: *χρημάτων ἄελπτον οὐδέν ἐστιν οὐδ' ἀπώμοτον οὐδὲ θαυμάσιον, ἐπειδὴ Ζεὺς πατὴρ Ὀλυμπίων ἐκ μεσάμβριος ἔθηκε νύκτ', ἀλοκρύψας φάος ἡλίου λάμποντος, λυγρὸν δ' ἦλθ' ἐπ' ἀνθρώπους δέος* [6, fr. 122.1–4 W]. «Можно ждать любых событий, можно верить во все, раз уж Зевс, богов отец, в полдень тьму послал на землю, преградивши свет лучей...». И, итогом этого пассажа выступает «все отныне должны люди вероятным признавать и возможным...» [3, с. 152]. Архилох уже не верит в незыблемость природных, социальных связей, в устойчивость «положения вещей». Эпизод с затмением и его поэтическое осмысление Архилохом свидетельствуют о разрыве связей того органического мироощущения, свойственного

гомеровским героям. Затмение, говоря терминами Доддса, – это своеобразное «вторжение иррационального» в сознание архаичного грека, вторжение, разрушающее веру в «порядок вещей», «законы отцов» и т.д. Именно этот факт, в том числе, и обусловил трансформацию от незыблемости долга и внешней социальной оценки действий индивида с позиции строго установленных норм, обычаев, «кодексов чести» и т.д., в сторону внутреннего-интроспективного, индивидуально-личностного.

Особенность мировоззрения Архилоха и всего социокультурного его обрамления, на наш взгляд, связана с общегреческим религиозным и ценностным плюрализмом, происходящем, вероятно, из-за отсутствия у греков единого государственного устройства. Политическая мозаичность греческой этнической общности не привела к унификации культурных паттернов даже на сравнительно небольшой территории, которую занимала Эллада. Различные племена греков, смешиваясь с догреческим населением, однако, не растворялись в общем этнико-национальном массиве, удерживая свою социокультурную индивидуальность. Жители Беотии, Фокиды, Аттики, Спарты осознавали себя принципиально разными, стараясь, скорее, подчеркнуть различие между этносами, чем общие черты. Этим и объясняется та мощнейшая инерция, с которой позднее столкнулись адепты пан-эллинского государства типа Демосфена, агитируя греческие полисы вступить в коалицию против нарождающейся империи Македонского. Вообще, тенденция к объединению (политическому, социокультурному, экономическому) для архаичной Греции это весьма редкое явление. Каждый регион греческой ойкумены подчеркивал свое различие. Политически это выражалось в сосуществовании прямо исключаящих друг друга режимов и институтов власти, аристократической олигархии, тирании, демократии, монархии. Парадоксально, но политический синкретизм, когда тираны опирались на демократию, создавая правящие династии (Писистрат, Гиппий) со временем приводил к синкретизму религиозному. Культ Сераписа времен Македонского – явное подтверждение этой идеи. В каждом регионе Греции были собственные исключительные религиозные институты, собственные культы, отличающиеся от соседних полисов. Более того, разные греческие полисы жили по *разным календарям*, в разных системах летоисчисления, с разными формами денежных отношений. В каждом полисе Древней Греции был свой собственный отсчет времени, зависевший от текущих астрономических наблюдений, политики и общего мироощущения. Пример Спарты и Афин, как диаметрально противоположных социокультурных общностей ярко показывает неунифицированность, плюралистичность античного общества. В этой культуре и зарождалась раннегреческая лирика с ее ощущением личности индивидуальности.

Библиографический список

1. Ancient Greek Lyrics. Translated & Annotated by Willis Barnstone. – Bloomington– 2010.
2. Dodds, Eric. The Greeks and the Irrational. – Berkeley: University of California Press. – 1973.
3. The Cambridge Companion to Greek Lyric. – Cambridge: Cambridge University Press. – 2009.
4. Correa, Paula. Musical instruments and the paean in Archilochus // Synthesis. – 2009. – Vol. 16. – P. 99 – 112.
5. Гарин С.В. ТО ПЕОС: фиговый лист поверх Аристофана. Общественная лексика в классической Греции // Universum, № 4(6) – 2014.
6. Iambi Et Elegi Graeci, Ed. West, M.L. – Oxford: Clarendon Press. – 1972.
7. West, M.L. Studies in Greek Elegy and Iambus. – Berlin: Walter de Gruyter. – 1974.
8. Harris, William. Archilochus Fragments. First Poet after Homer.
9. Annis, William. Mimnermus. – Aoidoi. – 2007.
10. Гарин С.В. Лексика гнева и ярости в древнегреческих текстах Септуагинты // Филологические науки. – No 8. – 2013. – С. 53–56.

11. Гарин С.В. ψυχή, θυμός, ἦτορ, στῆθος. Лексикология гомеровской психологии // *Филологос*. – No 19 (4) –2013. – С. 17–21.
12. Ярхо, В. Н. Полонская К. П. Ранняя греческая лирика. – М. – 1967.

СЕКЦИЯ 14. Теория языка

УДК 81.1

Гончарова А.А.

Сергиево-Посадский гуманитарный институт

ИСТОРИЯ ЛИНГВОКОНСТРУИРОВАНИЯ КАК ПУТЬ ПОИСКА УНИВЕРСАЛЬНОГО ЯЗЫКА

Аннотация

В данной статье рассматриваются наиболее значимые проекты в истории лингвоконструирования. Основными объектами исследования выступили проекты универсального языка XVII-XVIII веков. Отмечается их значение для науки и актуальность для своего времени. Также автор оценивает состояние проблемы универсального языка в современной ситуации.

Abstract

The analysis of the main projects in linguistic construction's history is carried out in this article. The main subjects of this inquiry are universal language projects of XVII-XVIII centuries. Their value for science is observed, as well as their relevance for their age. The author estimates the state of the universal language problem in the current situation.

Ключевые слова: лингвоконструирование, искусственные языки, универсальный язык, международная коммуникация

Key words: linguistic construction, artificial languages, universal language, international communication

Смешение языков с древних времен считалось проклятием. Нередко в истории философии его характеризуют как «проклятие Вавилонской башни». На протяжении многих веков человечество предпринимает попытки его преодоления, то есть поиска всеобщего языка. С утверждением единственного средства глобальной коммуникации все народы могли бы обрести единый образ мира, своеобразный цивилизационный код или универсальный социокультурный комплекс основ бытия.

Особенно актуальной проблема универсального языка стала в условиях глобализации, однако впервые идея введения единого коммуникационного инструмента возникла более 2 тысячелетий назад. При этом можно выделить два потенциальных пути достижения данной цели: возвращение к первоязыку или создание универсального языка, что, в свою очередь, также подразумевало два возможных сценария: лингвистическое конструирование или придание соответствующего статуса одному из существующих естественных языков. В данной статье мы рассмотрим историю становления лингвоконструирования, которое выступило основой для такой науки, как интерлингвистика.

Первым в истории искусственным языком, который претендовал на статус локально универсального, называют общегреческий межрегиональный язык, получивший название

койне. Он был создан в IV–III вв. до н.э. как средство общения носителей различных древнегреческих диалектов. Также он использовался в художественной и философской литературе [2].

Рождение лингвистического конструирования как науки можно отнести к XVII веку, когда на фоне переориентации философии в сторону гносеологии и актуализации идеи самоценности разума возникла необходимость в универсальном языке научного общения, который не фальсифицировал бы опыт. Первым эту проблему обозначил Френсис Бэкон, который отметил, что слова неадекватно репрезентируют вещи. Причиной тому он видел искажение реальной сути вещей человеческим разумом, придающим ей специфическую окраску и не способным абстрагироваться от характера эссенции мира. Таким образом, когда сила слов портит истинную структуру рациональных аргументов, слова становятся субъектом человеческой мысли, и мысли становятся подчиненными словам [6].

Под влиянием идей Бэкона были созданы первые проекты искусственных языков. Один из них разработал Джордж Дальгарно. В его книге «Искусство обозначения, или всеобщий символ и философский язык» (1661) изложена оригинальная лингвистическая система, которую любой житель нашей планеты, независимо от его родного языка, может освоить в двухнедельный срок. Каждое слово этого языка содержало буквы, причем каждая из них несла в себе определенную характеристику объекта, который данное слово обозначает. Таким образом, в языке Дальгарно объект можно было не только обозначить, узнать его название, но в то же время и определить его качественные характеристики. В подобной сумме характеристик инициатор проекта выражал философскую сущность обозначаемого объекта через одно слово [4].

Достоин внимания и проект искусственного языка Джона Уилкинса, который также опирался на воззрения Ф. Бэкона. Основы данного проекта содержатся в трактате «Опыт о подлинной символике и философском языке». Принцип построения языка Уилкинса предполагал возможность строгой организации всех человеческих мыслей в доступной форме благодаря тому, что каждое слово этого языка непосредственно себя определяет. Все объекты бытия Уилкинс разделил на 40 категорий, внутри каждой из которых выделялись роды объектов, внутри рода – дифференциации, а внутри дифференциаций – виды. Далее структура языка выстраивалась следующим образом:

- гласная соответствует виду;
- согласная соответствует дифференциации;
- слог соответствует категории.

В качестве примера рассмотрим одну из ветвей классификации животного мира:

- a – животное;
- ab – млекопитающее;
- abo – хищник;
- aboj – представитель семейства кошачьих;
- aboje – кошка.

С одной стороны, подобная категоризация бытия оказалась слишком произвольной, но с другой – такой язык не ощущался искусственным и в то же время являл собой универсальную тайную энциклопедию [1].

Занимался разработками всеобщего языка и И. Ньютон. Его рукопись «О всеобщем языке» с четким представлением ученого о концепции идеального языка была обнаружена и опубликована лишь в 1957 году. Философ считал, что единый язык может быть выведен лишь непосредственно из природы самих вещей, которая едина для всех людей. Проект Ньютона остался незаконченным, однако он представил свое видение структуры всеобщего языка и «алфавитную таблицу всех субстанций».

В каждом языке может быть выделен алфавитный список всех субстанций и по аналогичному принципу – перечень слов Универсального языка. Напротив каждого из них Ньютон предложил поместить слова с тем же значением на каждом языке. Удобно будет, если каждая категория вещей будет начинаться с одной и той же буквы (например, животные

– с буквы s). Эти списки будут сильно сокращены рядом спряжений, которые от имени любой вещи производят имена вещей, ей родственных:

- спряжения степеней;
- спряжения, затрагивающие действие, форму и отношение.

Также Ньютон предлагал отразить в универсальной грамматике числа, падежи, время пребывания вещи в падеже, величину и количество промежутков времени, порядок слов в предложении и наклонения. В своем проекте философ опирается на традиционную грамматику и развивает логико-философское осмысление основных понятий и принципов их языкового отражения. Он объединяет в языке не только сущность инструмента коммуникации и связь с миром вещей, но и формулирует внеязыковые основания для словообразования [5].

В XIX веке идея создания всемирного языка получила особое распространение на фоне формирования капиталистической экономики глобального характера и параллельного зарождения всемирного рабочего движения. В то время прославился Жан Франсуа Сюдр, создавший музыкальный язык Сольресоль, где все слова состояли из различных комбинаций семи нот. В 1855 году Ш. Ренувье в своем докладе «Об интернациональном языке в XIX столетии» заявил, что грамматика всеобщего языка должна быть философской, то есть базироваться на логическом анализе, но лексика должна заимствоваться из естественных языков. После этого в рамках международного лингвистического общества был создан Комитет международного языка, который утвердил основные характеристики всеобщего языка: ясность, простоту, рациональность, научный характер, логичность, философский характер, богатство, благозвучие и возможность дальнейшего совершенствования. Все европейские научные сообщества получили приглашение к участию в его разработке, однако инициатива оказалась исторически преждевременной.

Интерлингвистика как наука о международных средствах общения начала активно развиваться в XX веке как перспективное течение лингвистики. Английский романист Г. Уэллс, рассуждая о будущем человечества в наступившем столетии, предположил, что проблема общения могла бы решиться путем превращения французского, английского, немецкого или всех трех во всеобщий язык, однако этому помешает национальное самолюбие других народов. Из этой ситуации Уэллс видел два выхода: ждать, пока один из существующих языков не станет доминирующим естественным образом, или же создать новый язык, функционирование которого не будет ущемлять интересы ни одной нации, и сделать его изучение общеобязательным [3].

В настоящее время мы видим, что ни один из проектов лингвоконструирования не прижился, если рассматривать искусственный язык непосредственно как средство международного общения, не принимая во внимание языки математики, химии, физики или языки программирования. Даже эсперанто, считающийся наиболее успешным интерлингвистическим проектом, не стал использоваться повсеместно. Однако мы можем с определенной долей уверенности заключить, что человечество пошло по другому пути, который мы также обозначили в начале нашего исследования. Речь идет о придании статуса международного одному из существующих языков, которым в современной ситуации можно назвать английский. И в этом мы видим очередную победу рационализма над эмпиризмом, ведь сторонниками лингвоконструирования были последователи Френсиса Бэкона, а сделать универсальным естественный язык предложил Рене Декарт.

Библиографический список

1. Борхес Х.Л. Сочинения в трех томах. Том 2. Эссе. Новеллы. Рига: Полярис, 1994. – 559 с
2. Королев К. Универсальный язык и универсальная письменность: в погоне за мечтой// Языки как образ мира. – М.: Изд-во АСТ, 2003. – Сост.: К. Королев – 568 с.
3. Сवादост Э. Как возникнет всеобщий язык? – М.: Наука, 1968. – 287 с.
4. Соломоник А.Б. О языке и языках [Электронный ресурс]// Вики-системы компетентных публикаций по еврейским и израильским темам [Сайт]. URL: <http://pubs.ejwiki.org/wiki/>

5. Успенский В.А. К публикации ранней лингвистической работы Исаака Ньютона// Труды по нематематике. Т.1. Издательство: ОГИ, 2002 г. 584 с.
6. Gigloni G. Francis Bacon. The Oxford Handbook of British Philosophy in the Seventeenth Century, in P.R Anstey (ed.). Oxford: Oxford University Press (pp. 41-73), 2013. 651 p.

СЕКЦИЯ 15. Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание

УДК 81.574

Аубакирова Г.Т.

Карагандинский экономический университет Казпотребсоюза

АНТРОПОНИМЫ КАК ЭТНОМАРКИРУЮЩИЕ И ХУДОЖЕСТВЕННО-ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Аннотация

Антропонимикон художественного текста повести «Ұлпан» Г. Мусрепова представляет собой не просто совокупность или набор личных имен действующих лиц, а систему особых языковых средств, участвующих в семантизации и выражении, авторской концепции, авторской модальности, реализации «образа автора», темы и идеи произведения.

Abstract

Antroponimikon of the artistic text story "Ұлпан" G.Musrepov is not just a collection or set of personal names of the actors, and a system of special linguistic resources involved in semantization and expression of the author's concept, the author of modality, implementation of the "image author", themes and ideas of the work.

Ключевые слова: художественный текст, антропоним, Габит Мусрепов

Keywords: belles-lettres style text, anthroponym, Gabit Musrepov

В художественном тексте, характеризующимся ономастичностью, можно выделить чаще всего более одного ономастического поля. Пожалуй, наиболее «разработанным» полем в ономастическом пространстве художественных текстов является антропонимическое поле, так как сама антропонимия является своеобразным ядром онимии. В.И. Супрун [4, 6] отмечает: «Ономастическое пространство представляет собой полевую структуру с ядерными и периферийными конститuentами. *Ядром* русской онимии являются *антропонимы*, в сопоставлении с которыми определяется онимичность других единиц, их тяготение к центру или периферии ономастического поля».

Антропонимический мир повести Габита Мусрепова «Ұлпан» густо заселён; в повести действует множество героев. Именно через жизнь главных и второстепенных героев раскрывается широкая и неповторимая картина казахского общества, в котором во многом патриархально-кочевой уклад жизни переплетается с новыми социально-экономическими отношениями, связанными с русской колонизацией казахской степи и зарождающимся капиталистическим способом производства. Широкая панорама жизни казахского народа на рубеже эпох требует показа «людского многоголосья» и потому антропонимический мир повести достаточно плотно «заселен». Количественный объем антропонимов, употребленных в художественном тексте повести «Ұлпан», определяется также

частотностью антропонимических употреблений. Наиболее часто употреблены в тексте повести имена главных героев данного художественного произведения - антропонимы *Улпан* и *Есеней*. Это вполне понятно, так как именно вокруг этих главных действующих лиц повести разворачиваются события и коллизии, показанные в данном литературном произведении.

Имена главных действующих лиц являются именами реальных исторических лиц, и известно, что после выхода в свет повести в печати появились письма читателей, считающих, что Г. Мусрепов не совсем верно (в соответствии с исторической действительностью) показал жизнь этих героев. Литературовед М. Бекбергенов [1, 122] считает, что данное произведение Габита Мусрепова хотя и основано на реальных исторических событиях, но все же следует считать художественным творением автора, а образ главной героини - типическим образом.

В.А. Кухаренко [3, 102] считает, что в языке имя бывает семантически полым и только в речи коммуниканта выступает предельно информационно насыщенной единицей, ибо означивая объект, включает весь запас говорящего о нем. Полностью соглашаясь с тем, что в речи коммуниканта имя приобретает предельную информационную насыщенность, нельзя согласиться с тем, что имя в языке выступает семантически полым. По крайней мере, в казахском языке антропонимы и топонимы в большинстве своем этимологически прозрачны, семантически полные. Это относится и к именам главных действующих лиц повести – *Улпан* и *Есеней*. Еще до «вхождения» в текст данные антропонимы несут положительную коннотацию, так как основа *ул* – «сын», связана с положительными ассоциациями в фоновых знаниях казахов, и основа «*есен*» – «благополучный», «здоровый» также связана с понятиями здоровья и благополучия. Именно этимологическая прозрачность многих имен в казахской антропонимии позволяет утверждать, о достаточно полной семантической наполненности казахских антропонимов.

Конечно, в художественном тексте тот или иной антропоним либо топоним приобретает множество дополнительных коннотаций и ассоциаций, связанных со всем строем и содержанием литературного произведения. Содержательное насыщение собственного имени происходит в тексте постепенно; в него включаются все квалификации персонажа, даваемые автором (другим персонажем) и собственное имя выходит из текста «семантически обогащенным и выступает в качестве сигнала, возбуждающего обширный комплекс ассоциативных значений. Их можно считать локальной семантической структурой, закрепляющейся за данным именем в данном контексте – *индивидуально-художественным значением имени собственных*» [4, 106].

Имя главной героини повести является ключевым словом всего произведения, оно несет в себе главную смысловую нагрузку, раскрывает ведущую тему и основную идею произведения. «Индивидуально-художественное значение» данного имени предельно насыщено (после прочтения повести) и поднимается до символических высот - это прецедентное имя. В самом начале повести антропоним *Улпан* представляет собой семантически недостаточно полное имя, в конце же повести с именем Улпан ассоциируется образ гордой, свободной, мудрой, но вместе с тем глубоко несчастной, ранимой женщины.

Любое собственное имя художественного текста функционирует в семантической композиции текста на трех уровнях: 1) речевая композиция (композиционно-речевые структуры + стилистические приемы; 2) литературная композиция (сюжет+персонажи); 3) идейно – эстетический смысл произведения («концепт» или «образ автора»). О.И. Фонякова считает, что линейно-речевая композиция художественного текста (дискурс) образует основу пирамиды, следующий уровень которой является системой образов и сюжет, и наконец, высшей семантической категорией художественного текста является её следующий уровень, образуемый двумя предыдущими уровнями, и выражающий идейно-эстетический смысл произведения.

Имя собственное функционирует на всех названных выше трех уровнях художественного текста. Концептуальное значение (семантика) имени собственного

формируется и основывается на функциональных смыслах и форм дискурсного употребления имени, также на парадигматических отношениях имени с системой образов и сюжетными коллизиями, со всеми речевыми средствами, функционирующими и взаимодействующими с собственным именем на всех трех уровнях семантической композиции художественного текста. Идеино-эстетический смысл повести «Ұлпан» в силу суггестивности энциклопедической семантики собственного имени может быть также заключен в антропониме «Улпан», так как данное имя является своеобразным ключевым концептом, выражающим идею всего произведения.

Антропонимы повести «Ұлпан» Габита Мусрепова подвергаются различным способом авторской семантизации на всех трех уровнях семантической композиции художественного текста, так как, по мнению Л.В. Щербы «текст литературного произведения есть продукт эстетически организованной «индивидуальной речевой деятельности» писателя.

Если классифицировать антропонимию повести «Ұлпан» Г. Мусрепова с точки зрения их происхождения, то антропонимикон повести можно условно разделить на два класса имен: 1) казахские антропонимы – собственные имена людей национального именника; 2) антропонимы иноязычного происхождения.

Казахские антропонимы представляют большую часть антропонимии повести и в него входят личные имена (за редким исключением - фамилии) казахов и казашек, действующих главных и второстепенных лиц повести. Некоторые имена употребляются эпизодически; другие же не раз встречаются на страницах художественного текста повести. Частотность тех или иных антропонимических употреблений объясняется «первостепенностью» или «второстепенностью» действующих лиц. Так некоторые герои действуют на всей протяженности времени разворачивания событий, и к ним, естественным образом относятся главные и «первостепенные» персонажи повести. И казахские антропонимы высокой или низкой частотности выполняют тексто-образующую функцию в художественной ткани литературного повествования.

Казахскую антропонимию повести также можно разделить на: 1) мужские имена; 2) женские имена. Большую часть казахских антропонимов составляют мужские имена.

К ним относятся следующие имена: *Есеней, Мүсіреп, Бекентай, Кенжетай, Артықбай, Кенесары, Шыңғыс Уалиханов, Сәдір, Тілеуімет, Жанай, Едіге, Тұрлыбек, Жазы, Қасым, Тілеміс, Тулен, Мырзаи, Сүйір, Қарабай, Қайыргелді, Игенберді, Ырымбек, Еменалы, Беспай, Еламан, Бақберді, Шақшақ, Әсіреп, Шондығұл, Сағындық, Қайқы, Қошқарбай, Сағал, Салбыр, Құлатай, Қазы Уәлиханов, Әбілқасым, Есенгелді, Саржан, Ғұбайдолла, Шоқан Уәлиханов, Болат, Қожасқ, Шәрке, Нияз, Сапарғали, Сегізсері, Біржан сал, Балуан Шолақ, Ақан сері, Мустапа, Жошы, Жібек, Төлеген, Сансызбай, Байдалы, Тоқай, Құандық, Сүйіндік, Қаржас, Ботбай, Ережеп, Хұсайынғазы, Сейтек, Күзембай, Боқан, Балта, Күшікбай, Бекежан, Жақып, Тоганас, Құрмысы, Өтеміс, Торсан, Есеней (Естемесов), Жәпақ, Хамит, Исахмет, Тайжан, Нарғожа, Сүлеймен, Ғабит, Шоқан* и др.

Женских личных имен в повести гораздо меньше: *Ақнар (Ақнар Артықбаевна), Ақмарал, Шынар, Науша, Айбарша, Жаниша, Кәукер, Бикен, Дәмелі, Мария, Айбике, Нұрбике, Сүйімбике, Қызбике, Күнгөне, Бибижиһан, Асылтас, Айша* и т.д.

Среди мужских личных имен встречаются имена известных исторических лиц, некоторые из этих имён могут быть отнесены к прецедентным именам; большей частью мужские личные имена номинируют персонажей повести. Каждая из казахских мужских личных имен обладает национально-культурной семантикой и потому казахские мужские антропонимы создают особый национальный колорит художественного текста повести «Ұлпан» Габита Мусрепова. Это утверждение в полной мере может быть отнесено и к казахским женским личным именам.

Антропонимия иноязычного происхождения занимает в повести сравнительно небольшую часть и её составляют русские и романо-германские антропонимы *Глеб, Николай, Бергсен, фон Фридрикс, Коцух, Шекспир, Иван Мейкала Пушкарь, Саврасов, Дюгамель, Милютин, Леознер, Демидов, Карл Генрихович* и др.

Следует заметить, что семантический компонент, представляющий социальный статус упоминаемого лица, сопряжен зачастую с этнокультурным семантическим компонентом, информирующим также об этнической принадлежности (статусе) лица. Это можно заметить на примере приведенных выше имяупотреблений.

Следует указать, что не всегда тот или иной антропоним напрямую именует номинируемое лицо-персонаж. В повести наблюдается отантропонимное употребление имени того или иного персонала, когда указывается принадлежность чего-кого-либо тому или иному лицу: «Еселей костары», «табуны Еселея», «Кенесары сарбаздары», «воины Кенесары» и т.д.

Конечно же, частотность имяупотребления разных антропонимов бывает очень различной: от очень высокой до низкой (эпизодической). Нетрудно заметить, что наиболее частотными в тексте повести являются антропонимы *Улпан* и *Еселей*. Каждое имяупотребление функционально значимо, каждое слово художественного текста входит в «действенный словарь» писателя, но функциональная и идейная нагрузка некоторых слов текста бывает очень высокой. Такие слова приятно называть «ключевыми» и наиболее частотные антропонимы литературного произведения можно, на наш взгляд, также назвать *ключевыми антропонимами*. *Ключевые или доминантные* антропонимы наиболее полно отражают и выражают главную идею и концепцию художественного произведения, конечно же, находясь в сложных взаимосвязях с другими эстетически значимыми единицами целостного художественного текста. Следует помнить, что каждая речевая единица художественного текста функционирует в «действенном словаре» писателя, так как текст литературного произведения по мысли Л.В. Щербы [49, 39] есть продукт эстетически организованной «индивидуальной речевой деятельности» того или иного автора.

Таким образом анализ антропонимов в плане этномаркирующих и художественно-изобразительных языковых средств позволяет заключить что, антропонимикон художественного текста повести «Улпан» Г. Мусрепова представляет собой не просто совокупность или набор (репертуар) личных имен действующих лиц, а также «внесюжетных» имен, а систему особых языковых средств, участвующих в семантизации и выражении, авторской концепции, авторской модальности, реализации «образа автора», темы и идеи произведения.

Библиографический список

1. Бекбергенов М. Ф. Мүсіреповтің прозасы. – Алматы, 1990.
2. Жанузаков Г.Ж. Обычай и традиции в казахской антропонимии //Этнография имен – М, 1971 с. 101-103.
3. Кухаренко В.А. Интерпретация текста – М, 1986.
4. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал. Диссертация в виде научного доклада на соискание ученой степени доктора филологических наук. Волгоград, 2000-76с.

Ережепова С.К.

*Восточно-казахстанский государственный технический университет имени
Даулета Серикбаева*

О ВОПРОСЕ ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОГО СТИЛЯ В РУССКОМ И КАЗАХСКОМ ЯЗЫКАХ (ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Аннотация

В статье особенности официально-деловой стилистики в русском и казахском языках

рассматриваются в прагматическом аспекте, где использование тех или иных языковых средств анализируется сквозь призму восприятия и воздействия коммуникантов в рамках той или иной коммуникативной ситуации.

Absrtact

In the article the features of the official-business style in Russian and Kazakh languages are considered in the pragmatic aspect where the use of certain linguistic resources is analyzed through the prism of perception and the impact of communicators within a given communicative situation.

Ключевые слова: прагматика, прагмалингвистика, официально-деловой стиль, постановления

Key words: pragmatics, pragmalinguistics, formal business language, resolutions

Функционирование казахского как государственного и русского языка как языка межнационального общения в официально-деловой коммуникации, усиление внимания к проблемам речевых актов привели к необходимости осмысления лингвопрагматического аспекта официально-делового стиля русского и казахского языков на материале текстов конкретного жанра – постановлений.

Как в русском, так и в казахском языках для выявления сущности и определения лингвостилистических характеристик официально-делового стиля используются одни и те же экстралингвистические признаки. Основным параметром является прагматическая установка, которая в совокупности с экстралингвистическими параметрами определяет смысловые требования к деловым текстам (в том числе и текстам постановлений): точность, ясность, логичность, краткость. Следует заметить, что наблюдается совпадение прагматической установки и экстралингвистических параметров ОДС русского и казахского языков [1].

Лексическое своеобразие ОДС заключается в высокой степени стандартности в обоих языках, это, прежде всего, термины, терминосочетания, номенклатурная лексика, в которой мы выделили такие группы, как: самоназвание текстов ОДС, официальное название предприятий, название участников данной сферы коммуникации, название предметов, природных объектов и изделий, название профессий, специальностей, порядковый номер документа, собственные имена. Ограниченны возможности лексической сочетаемости, характерно употребление слов в номинативном значении.

Грамматика текстов ОДС в русском и казахском языках имеет ряд особенностей. Основные из них можно представить следующим образом. Если в текстах официально-делового стиля на русском языке часто употребляются отглагольные существительные, то в текстах официально-делового стиля на казахском языке им соответствуют имена действия с процессуальной семантикой [2].

Текстам официально-делового стиля присущ долженствующе-предписывающий характер. Так, в русском языке предписывающий характер деловых текстов объясняет активное употребление кратких прилагательных со значением долженствования: должен, необходим, обязан, ответственен, подотчётен. Особенностью казахского языка является выражение модальности прилагательными, образованными от существительных при помощи суффикса – ті: міндетті, жауапты, есепті. Слово тиіс/ті (необходим) в современном казахском языке употребляется только в значении долженствования. При этом оно стоит после инфинитива с показателем дательного падежа [2].

Употребление большого корпуса инфинитива в текстах официально-делового стиля обоих языков связано с тем, что его функция сводится к обозначению социально значимых действий, подлежащих, административно-правовой регуляции и, вносит в тексты ОДС значение прямого приказа, требующего безукоснительного выполнения.

В синтаксической структуре официально-делового стиля определённое место занимают пояснительные конструкции, которые актуализируют всё высказывание. Поясняя, адресант тем самым подчёркивает точное, однозначное выражение своих мыслей, что является отличительным признаком ОДС от других стилей.

Характерным признаком официально-делового стиля является повторение союзов и союзных слов [3]. Им в казахском языке соответствуют послеложные форманты глаголов.

Говоря о композиции текстов ОДС, мы выделяем внутреннюю и внешнюю композиции. Под внутренней композицией мы понимаем содержательный аспект текста, где заключена непосредственная коммуникативная цель, намерения говорящего, внешняя композиция – схематичное расположение определённых частей текста официально-делового стиля. Жанры ОДС русского и казахского языков имеют свою строгую архитектурную форму, которая выработывалась в течение длительного существования официально-делового стиля и которая должна соблюдаться всеми пользующимися данной формой общения.

Анализ языкового материала текстов постановлений с учётом коммуникативного намерения адресанта и адресата, социальных отношений между ними позволил выявить связи и закономерности использования языковых единиц, их прагматические связи.

Текстам постановлений казахского и русского языков характерны такие черты, как:

- речедетальность макросфера характеризуется мотивацией, целенаправленностью и реализуется в административно-правовой общественной деятельности;
- коммуникативная задача – регулирование отношений внутри государства;
- коммуникативная цель – воздействие на адресата с целью направить действия в нужное русло, предопределить их (действий) нормативное выполнение. Данная цель актуализируется на базе таких речевых актов, как директивы, репрезентативы, декларативы, которые проявляются в дискурсе постановлений эксплицитно;
- тексты постановлений адресуются Президентом или Правительством адресатам, в роле которых выступают юридические и физические лица;
- социальный статус является одним из оснований воздействия адресанта на адресата, статус адресанта в текстах постановлений «выше» статуса адресата;
- коммуникативная сфера позволяет регулировать поведение личности в социуме, в коллективе;
- коммуникативная установка выражена эксплицитно;
- текстам постановлений присуща предварительная подготовленность;
- ведущими функциями являются информативная, предписывающая, волеизъявительная;
- местом издания постановлений является коллегиальный орган.

Текстам постановлений присуща высокая степень жёсткости, которая определяется наличием темы (термин актуального членения) и синтаксическим статусом ремы. В текстах постановлений тема задана уже в заголовке, заголовочном комплексе, рема же может функционировать самостоятельно. Рема актуализирует интенцию адресата, эксплицируется в поверхностной структуре высказывания, являясь наиболее значимой и прагматически выделенной.

Внешняя композиция текстов постановлений (заголовки, начало, конец) характеризуются разной степенью выделенности, при этом они взаимодействуют друг с другом. Характеризуются тексты объективно-логическими связями. Композиционно-логические связки в текстах постановлений указывают на расположение определённого материала в тексте и его пространственное отношение к другим частям текста.

Средствами композиционно-структурной связи информационных фрагментов в текстах постановлений являются абзацное членение текста, рубрикация с использованием цифр, выделение ключевых слов, последовательное введение материала. Всё это создаёт логическую схему текста [3].

Как в текстах на русском языке, так и на казахском языке в текстах постановлений встречаются абзацы-клише.

Внешняя композиция постановлений готовит адресата к восприятию определённого рода информации, тем самым облегчает её восприятие.

В композиционном плане текста постановлений официально-делового стиля казахского и русского языков имеют схожую форму и носят клишированный характер.

В ходе анализа фактического материала мы обращались к фрейму и установили, что возможно построение фрейма не только текста, но и заголовок текстов представляет фреймовую модель. Заголовок представляет свёрнутую номинацию.

Если внешняя композиция текстов постановлений на казахском и русском языках одинаковы, то внутреннее её наполнение отличается ввиду того, что эти два языка имеют различную структуру, то есть различие касается языковых средств. Приёмы воздействия в текстах постановлений являются закреплёнными, исходя из этого клишируется особенность отношения к адресату, следовательно, подразумевается воздействие. Воздействие на адресата достигается благодаря широкому арсеналу грамматических, лексических, лексико-грамматических средств, а также экстралингвистическим признакам.

Исследование ОДС русского и казахского языков имеет не только теоретическое значение, но может дать практический результат при изучении и преподавании таких предметов «Делопроизводство», «Русский язык в казахской аудитории», «Стилистика».

Как мы заметили, в официально-деловом стиле русского и казахского языков определенное место отводится лексической сочетаемости слов. Если в русском языке существуют специальные словари, объектом которых является лексическая сочетаемость слов, то проблема сочетаемости в казахском языке, к сожалению, до сего момента не стала объектом пристального внимания лингвистов. Семантика языковых единиц эксплицируется через сочетаемость, поэтому сочетаемость может служить базой для развития семантики слова. Это подводит к мысли об острой необходимости, как общего словаря сочетаемости казахского языка, так и отраслевых словарей сочетаемости. При этом подобные справочные издания крайне необходимы не только для унификации языка официально-деловых текстов, но и для практики обучения русскому и казахскому языкам как второму, а также для практики перевода.

Настоящая работа может быть продолжена в русле рассмотрения того или иного жанра официально-делового стиля в связи с экстралингвистическими условиями его существования, наличие определённой целевой заданности, обуславливающей выделение как самого жанра, так и отбор языковых средств; необходимость сопоставления жанра одной языковой структуры с другой с целью более глубокого проникновения в их языковую специфику. Изучение жанров официально-делового стиля поможет глубже понять закономерности их развития, создания методического материала, отражающего не только структурные, но и функциональные характеристики строя официально-делового стиля. Научная разработка вышеуказанных проблем будет способствовать правильному использованию языковых средств в письменном и устном общении в официально-деловой сфере, повышению культуры делового общения.

Анализ жанров официально-делового стиля может помочь в конструировании автоматической системы, анализирующей и синтезирующей тексты официально-делового стиля. Как известно, композиционные основы текстов официально-делового стиля едины и не зависят от языка, на котором они пишутся. Отсюда вытекает, что данная автоматическая (компьютерная) система может быть двуязычной, что является особенно актуальным.

Библиографический список

1. Ережепова С.К. К вопросу об официально-деловом стиле в русском и казахском языках. Русский язык в социально-культурном пространстве XXI века. Материалы международной конференции МАПРЯЛ. Алматы, 2001.
2. Ережепова С.К. К истории становления официально-делового стиля в русском и казахском языках (учебно-методическое пособие). Алматы: АГУ им. Абая, 2002.
3. Красивова А.Н. Деловой русский язык: Учебно-практическое пособие. – М.: Из-во МФА, 2001. С. 80.
4. Ережепова С.К. О дифференциальных признаках официально-делового стиля (морфологический уровень). Молодые ученые – 10-летию независимости Казахстана. Материалы Международной научной конференции. Алматы: КазНТУ, 2001, 4 т., 914 б.

ФОРМИРОВАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ

Аннотация

В статье рассмотрены сущность и составляющие компоненты иноязычной компетенции. Автор приводит педагогические технологии, наиболее эффективно формирующие иноязычную компетенцию.

Abstract

The article considers the essence and components of foreign language competence. The author cites educational technology, most effectively forming competence.

Ключевые слова: иноязычная компетентность, высшее образование

Key words: foreign language competence, higher education

Современные социально-экономические условия развития сфер российского производства, бизнеса и социально-культурной среды требует от профессионала определенного уровня владения техникой общения, усвоения соответствующих норм и стереотипов поведения. Данные тенденции обозначены и федеральных государственных образовательных стандартах, а также в материалах Совета Европы «Ключевые компетенции для Европы», что диктует современным ученым необходимость подробного изучения лингвистического аспекта профессиональной компетентности будущих профессионалов. Сегодня для системы высшего профессионального образования развитие иноязычной компетенции будущего профессионала является обязательным. Этому направлению в науке посвящены многочисленными исследованиями современных ученых, таких как, В.А.Звягинцев, И.А.Зимняя, Л.В.Щерба и др. Иноязычная компетенция профессионала представляет собой профессионально-личностные навыки и умения адекватного применения иностранного языка в конкретной ситуации общения.

Общение на родном русском языке принципиально отличается от межкультурной коммуникации, что требует от взаимодействующих определенного набора компетенций, связанных с особыми способами усвоения информации и специфике задействованных психологических механизмов (степени осознаваемости речевых действий, состояний неопределенности и тревожности). Иноязычная компетенция современного профессионала — это определенный уровень развития техники коммуникативного взаимодействия, усвоения социо-культурных норм и правил взаимодействия и поведения, а также определенный результат научения [1, с. 350].

Иноязычная компетенция профессионала включает в себя такие компоненты, как лингвистический, социальный и аутопсихологический. Лингвистический компонент иноязычной компетенции опережает способности профессионала воспроизвести на основе освоенных правил определенную последовательность грамматических фраз. Данный компонент предполагает владение комплексом знаний об изучаемом языке по его уровням: фонетическому, лексическому, словообразовательному, морфологическому, синтаксическому стилистическому. Лингвистический компонент компетенции выражается в способности будущего профессионала конструировать грамматически правильные формы и синтаксические построения, а также понимать смысловые отрезки в речи, организованные в соответствии с существующими нормами русского языка, и использовать их в том значении, в котором они употребляются носителями языка в изолированной позиции.

Социальный компонент иноязычной компетентности будущего профессионала включает в себя знание социальных норм и правил, особенности культуры того народа, язык которого используется, а также влияние этих аспектов на социокультурную специфику

взаимодействия представителей данного этноса. Социальный компонент иноязычной компетентности определяет владение профессионалом этнокультурными и психосоциальными сведениями о народе, знание обычаев, правил, норм и социальных стереотипов носителей языка, а также умение применить эти знания в реальной ситуации межкультурного взаимодействия.

Аутопсихологический компонент иноязычной компетенции представляет собой самостоятельное и непрерывное совершенствование языкового мастерства, анализ собственной речи, оценку ситуаций межкультурного взаимодействия, с целью корректировки собственных недостатков в лингвистической практике и пробелов в системе языковых знаний.

Иноязычная компетентность будущего профессионала предполагает определенный комплекс специальных знаний, к которым относятся:

- грамматические знания;
- лексические знания;
- орфографические знания.

Высокий уровень освоения иноязычной компетенции современного профессионала выражается в следующих умениях:

- умение пользоваться разнообразием коммуникативных жанров;
- умение использовать терминологию в научно-деловом контексте;
- умение использовать основы делового этикета в речевом взаимодействии;
- умение применять в коммуникативной практике основы риторических знаний;
- умение учитывать экстралингвистические факторы, которые служат важным критерием оценивания коммуникативной ситуации и планирования коммуникативных действий, к которым относятся, особенности коммуникативного взаимодействия, личностные качества профессионала;
- умение переключаться в ситуации межкультурного взаимодействия на ту или иную социальную роль в зависимости от социальных статусов участников;
- произносительные умения и распознавание речи на слух, а также умение добиться взаимопонимания, выйти из затруднительного в языковом отношении положения.

Формирование иноязычной компетентности будущего профессионала в процессе профессиональной подготовки предполагает реализацию компетентностного подхода, что выражается в применении активных методов обучения. К таким методам обучения относятся технология проблемно-модульного обучения, технология проектирования, коммуникативные технологии, игровые технологии, кейс-технологии.

Проблемно-модульная технология в образовании предоставляет большие возможности для развития студента, его самообразования, предполагает поэтапное формирование профессиональных навыков и компетенций, активизацию самостоятельной учебной деятельности, подкрепленную самоконтролем. Использование технологии проблемно-модульного обучения позволяет строить образовательный процесс как личностно-ориентированный, на взаимодействии преподавателя и учащегося, повысить активность обучаемых, эффективность учебного процесса, коэффициент усвоения учебного материала, развить такие качества, как самостоятельность, уверенность в себе, ответственность [4, с. 261].

Проектная технология в образовании позволяет развить у студентов самостоятельность при поиске и приобретении знаний. В процессе реализации проектной технологии студенты учатся пользоваться полученными знаниями для решения познавательных и практических задач, приобретают коммуникативные умения, развивают исследовательские навыки, а также критическое мышление [3, с. 480].

Использование в процессе профессиональной подготовки коммуникативных технологий позволяет формировать в группе атмосферу сотрудничества, в которой студенты согласуют общие интересы, занимаются постановкой общих целей учебной деятельности, проектируют деятельность, анализируют и представляют полученные результаты путем

презентации. К коммуникативным технологиям относятся такие, как брейнсторминг, дискуссия, учебные конференции, дебаты и др. Перечисленные технологии позволяют формировать у студентов культуру самопрезентации, коммуникативную культуру, а также навыки аргументированного выступления.

Применение игровых технологий позволяет моделировать проблемные ситуации в профессиональной деятельности, что дает дополнительные возможности для студентов освоить различные стороны будущих социально-профессиональных ролей. Данный опыт выступает как база для формирования у студентов социально-профессиональной компетентности.

Кейс-технологии выступают эффективным средством организации самостоятельной работы студентов, оптимизации процесса формирования иноязычной коммуникативной компетенции, реализуют индивидуальный и профессиональный подходы к иноязычному образованию в вузе. Данные технологии позволяют реализовать прикладной и профессиональный характер обучения в вузе, что интенсифицирует проблемно-исследовательские навыки студентов. Кейс-технологии обладают значительным потенциалом в формировании иноязычной компетенции, так как позволяют вовлечь студентов в решение учебно-социальных задач, имитирует иноязычные профессиональные и социальные виды деятельности, развивать языковые навыки и речевые умения, пользоваться электронными справочными материалами, словарями [2, с. 44].

Таким образом, для эффективного формирования иноязычной компетенции будущего профессионала наиболее эффективными являются педагогические методы, основанные на активных, рефлексивно-деятельностных и информационно-коммуникативных технологиях.

Библиографический список

1. Абдуразякова Е.П. Иноязычная коммуникативная компетенция как одна из составляющих личностной и профессиональной характеристик современного специалиста // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2010. № 3. С. 350-352.
2. Панфилова В.М. Использование учебно-коммуникативных ситуаций при обучении устной речи студентов неязыковых факультетов // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. 2006. № 4. С. 41-45.
3. Роганина Е.А. Развитие информационной компетенции в иноязычной подготовке будущего лингвиста-преподавателя // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2011. № 4. С. 479-481.
4. Шишкина Н.А., Хальзова В.М., Асеева Т.В. К вопросу о создании инновационной лингвообразовательной структуры // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2012. № 3. С. 261-264.

СЕКЦИЯ 17. Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки

УДК 811.581.11

Смолова М.А.

Московский городской педагогический университет

ОСОБЕННОСТИ КОГНИТИВНЫХ СТИЛЕЙ РЕФЕРИРОВАНИЯ ТЕКСТОВ НА КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация

Рассматриваются особенности когнитивных стилей реферирования текстов на

китайском языке. Материалом для исследования послужили рефераты научно-популярных статей на китайском языке, выполненные носителями языка.

Abstract

The features of cognitive styles of text summary writing in Chinese are considered. The study is based on abstracts of scientific-popular articles in Chinese, made by native speakers.

Ключевые слова: когнитивный стиль, китайский язык, реферирование

Key words: cognitive style, Chinese, summary writing

Когнитивный стиль является объектом рассмотрения психологии, философии, культурологии, лингвистики, лингводидактики. На современном этапе развития лингвистики в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы важной проблемой становится исследование когнитивных стилей с позиции когнитивной лингвистики, теории межкультурной коммуникации, коммуникативной стилистики, лингвоперсонологии.

С одной стороны, когнитивный стиль в психологическом аспекте традиционно трактуется как способ обработки информации, обусловленный **индивидуальными** особенностями познавательной (когнитивной) деятельности личности, ее «индивидуальных различий в восприятии, анализе, структурировании, категоризации, оценивании происходящего» [6, с. 38]. В когнитивной лингвистике это «стиль подачи и представления информации, особенностей ее расположения и структурирования в тексте/дискурсе, связанный со специфическим отбором когнитивных операций или их предпочтительным использованием в процессах построения и интерпретации текстов разных типов» [1, с. 79-80].

С другой стороны, понятие когнитивного стиля связывают с **национальным** или культурным типом мышления. Так, в теории межкультурной коммуникации когнитивным стилем называется «культурно обусловленный познавательный стиль, характерный для получения и обработки информации индивидом», который обладает некоторой устойчивостью и «выражает особенность мышления и познания в контексте различных культур» [5, с. 159-160]. Выделение холистического (правополушарного, художественного) и аналитического (левополушарного, логико-вербального) способов извлечения и переработки информации, связанных с особенностями национальной ментальности носителей языка, основывается на функциональной асимметрии полушарий мозга [2, с. 64]. Важно отметить, что когнитивный стиль при этом не тождественен типу мышления (когнитивному типу), обозначая «весь комплекс особенностей мышления, включая волевую, эмоциональную и целеполагающую сферы, связанные с культурным типом» [2, с. 51].

Таким образом, когнитивный стиль представляет собой некоторую совокупность способов обработки информации, обусловленных национальным типом мышления и индивидуальными особенностями языковой личности, выполняющей речемыслительную (познавательную или когнитивную) деятельность.

Китайский тип мышления и китайскую культуру часто соотносят с восточным холистическим типом мышления. Анализ литературы [2, 3, 7] показал, что этому типу мышления свойственны: конкретность научного познания, его созерцательность и описательность, склонность к детализации и уточнению, эмоциональность, высокая образность, иррациональность, холичность (целостность), предметность, континуальность мышления.

Полученная в различных научных областях информация вызывает постановку вопроса о выявлении особенностей в проявлении когнитивных стилей китайских студентов в процессе реферирования текстов. С целью поиска ответа на данный вопрос было спроектировано, смоделировано и проведено диагностирующее исследование, в основу которого была положена технология выделения «лингвокогнитивных стилей репродуцирования» [4]. Лингвокогнитивные стили репродуцирования – это «индивидуально-своеобразные деривационные преобразования при репродуцировании исходного текста, обусловленные спецификой его восприятия, понимания, воспроизведения, а также

аналитико-синтетической обработки/переработки, интерпретации, структурирования и оценивания, реализованные в репродуцированном тексте» [4, с. 43]. В данной статье понятия «когнитивный стиль реферирования», «лингвокогнитивный стиль репродуцирования» являются тождественными.

Диагностике были подвергнуты три группы носителей китайского языка: 14 студентов-филологов из КНР, обучающихся по программе обмена, 18 абитуриентов из КНР, которые приехали в Россию сразу по окончании школы, 4 стажера-филолога из Тайваня. Всем группам испытуемых было предложено написать реферат научно-популярной статьи объемом до 1300 знаков-иероглифов. План реферата не предъявлялся, так как студенты должны были осуществить естественный выбор когнитивных стратегий, сообразуясь с собственными индивидуальными потребностями. Подсчет количественных признаков тех или иных стилей, а также их качественная характеристика проводились в соответствии с методикой [4].

Каждый реферат был оценен по девяти параметрам соответственно стилям реферирования. Удалось выявить проявление следующих когнитивных стилей реферирования носителей китайского языка (в целом), отражающих способы аналитико-синтетической переработки информации:

- 1) по способу компрессии и воспроизведения информации: генерирующий стиль (60%), контаминирующий (23%) и копирующий (17%);
- 2) по способу репрезентации и способу повышения информативности: преимущественно интегрирующий стиль и интенсивный способ повышения информативности (71%);
- 3) по степени полноты содержания: преимущественно фрагментирующий стиль (77%);
- 4) по степени семантической адекватности: в относительно равной степени представлены воспроизводящий (37%), интерпретирующий (29%), воспроизводяще-интерпретирующий (17%) и модифицирующий (17%) стили.

Высокая частотность использования **генерирующего стиля** компрессии свидетельствует о том, что носители китайского языка используют способ смысловой или текстовой компрессии, сохраняя логические связи при доминировании подчинительной связи. Копирующий стиль предполагает механическое сокращение текста при опущении фрагментов и потери целостности. Контаминирующий стиль означает свертывание информации за счет лексической и синтаксической компрессии, логические связи при этом разрушаются, а преобладающими становятся сложносочиненные предложения.

Применение **интегрирующего стиля** репрезентации (интенсивного способа повышения информативности) означает сокращение объема текста за счет устранения избыточности благодаря использованию экономных речевых средств. Иными словами, носители китайского языка применяют такие средства компрессии, как опущение детальной информации и замена обобщающими понятиями, усечение синтаксических конструкций и замена обобщающим предложением.

Интерес представляет доминирование **фрагментирующего стиля**, которое показывает, что авторы рефератов не охватывали все смысловые блоки текста, а останавливались только на некоторых фрагментах текста. В половине случаев указанные фрагменты представляли собой ядро семантического поля исходного текста.

Последним параметром, по которому выделяются стили реферирования, связанные со способами извлечения и переработки информации, является степень семантической адекватности информации. Условно можно выделить на два типа: первый характеризуется значительной «привязкой» к исходному тексту (воспроизводящий стиль); второй тип, относительно самостоятельный в выборе графических, лексических, синтаксических и текстовых средств компрессии, в меньшей степени зависимый от исходного текста. К этому типу можно отнести **модифицирующий, воспроизводяще-интерпретирующий и интерпретирующий** стили реферирования, которые в совокупности представлены в работах 63 % китайских испытуемых.

Статистически различимые расхождения в частотности проявления когнитивных стилей реферирования между тремя группами испытуемых (см. рис. 1) показывают, что китайские студенты-филологи и абитуриенты, не имеющие филологического образования, используют сходные стратегии переработки информации. Тайваньские стажеры применяют преимущественно те стили реферирования, которые трансформируют, а не копируют исходный текст, сохраняя его информативность при значительном сокращении его объема. Возможно, это связано с небольшим числом испытуемых и является статистической погрешностью, но не исключена вероятность того, что тайваньский когнитивный стиль как способ речемыслительной деятельности имеет свои отличия.

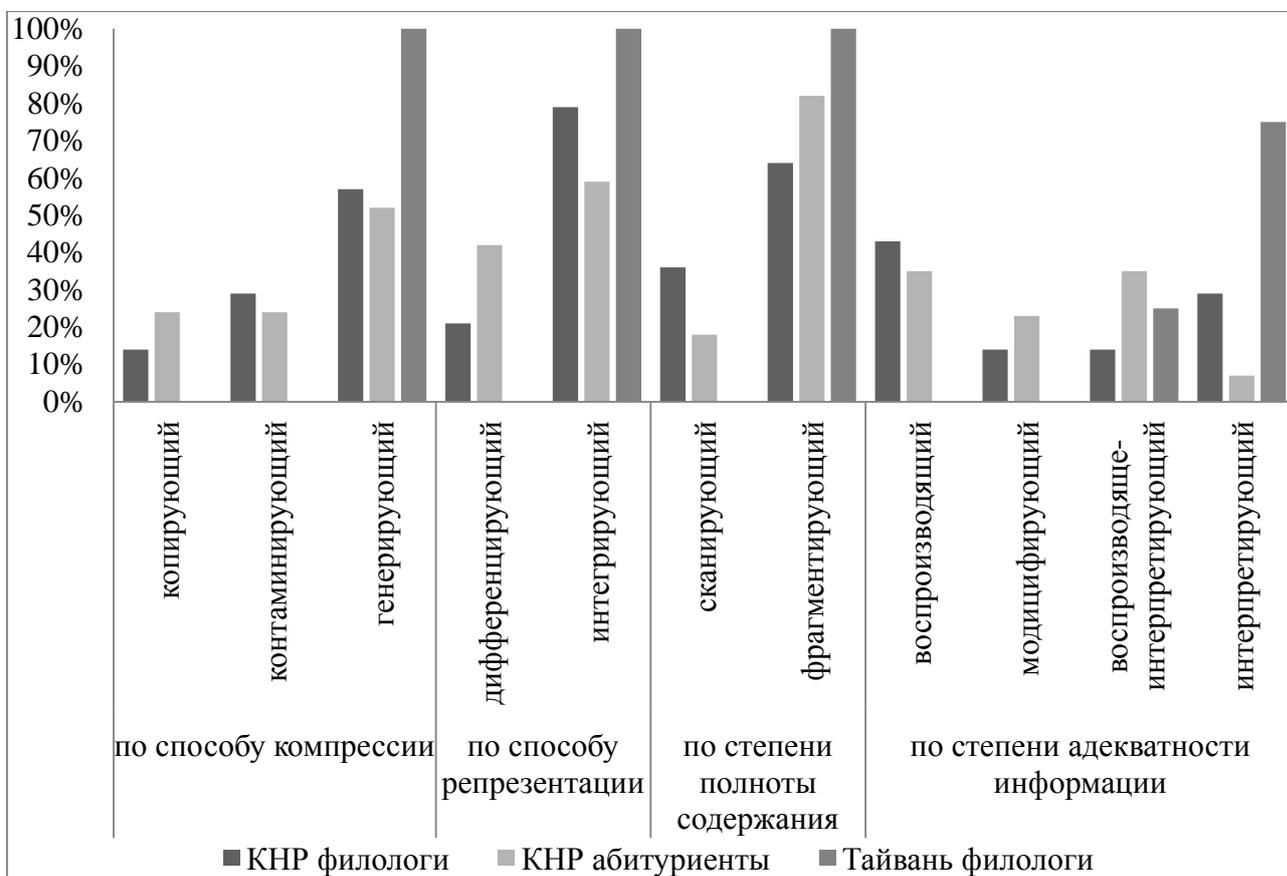
Частотность проявления когнитивных стилей реферирования, отражающих отношение автора реферата к исходному и воспроизводимому тексту, можно представить следующим образом:

- 1) По типу взаимодействия с читателем: отстраненный стиль (86%);
- 2) По признаку наличия/отсутствия эмотивности: нейтральный стиль (86%);
- 3) По типу отношения к своему высказыванию: уверенный стиль (100%);
- 4) По степени аксиологической градации: сглаживающий стиль (100%);
- 5) По способу изложения чужой речи: абсолютное преобладание имперсонального стиля (100%).

Преимущественное использование нейтрального, отстраненного, уверенного, сглаживающего и имперсонального когнитивных стилей реферирования свидетельствует об отнесении китайской языковой личности к независимому типу. Однако подобное утверждение недостаточно обосновано, так как в ходе диагностики респондентам не был представлен план реферата.

Рисунок 1.

Проявление частотности когнитивных стилей реферирования среди китайских и тайваньских студентов

Интерпретация полученных результатов позволила сделать ряд важных выводов. Во-первых, выявлены особенности когнитивных стилей реферирования на китайском языке, применяемых носителями языка: создание нового текста на основании логической, а не механической трансформации первоисточника, с использованием оптимальных средств лексической и синтаксической компрессии. Установлено отстраненное, имперсональное, нейтральное, безоценочное и уверенное отношение у китайских студентов к реферируемому тексту и тексту порождаемому.

Во-вторых, влияние национального типа мышления (холистического, правополушарного) и психофизиологических межполушарных особенностей на индивидуальные когнитивные стили реферирования является значительным, но не абсолютным (что демонстрируют вышеперечисленные особенности отношения к тексту, а также низкая частотность проявления сканирующего стиля реферирования). Среди особенностей когнитивных стилей реферирования, связанных с национальным типом мышления, можно назвать целостность восприятия исходного текста, творческое и образное осмысление его путем интерпретации.

Библиографический список

1. Лузина Л.Г. Когнитивный стиль // Краткий словарь когнитивных терминов / Под общей редакцией Е. С. Кубряковой. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. – С. 79-81.
2. Плебанек О.В. Когнитивный стиль как принцип типологического анализа культур: дис. ...канд.филос.наук: 09.00.13. – СПб, 2001. – 151 с.
3. Помченко М.А. Семантическое пространство этнической картины мира (на материале сравнительного исследования китайских и русских студентов): автореф. дис. ...канд. психол. наук: 19.00.01. – Хабаровск, 2006. – 20 с.
4. Прокудина И.Р. Русская языковая личность в аспекте лингвокогнитивных стилей репродукции научного текста (на материале студенческих рефератов): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Кемерово, 2009. – 202 с.
5. Словарь терминов межкультурной коммуникации / И.Н. Жукова и др.; под ред. М.Г. Лебедево и З.Г. Прошиной. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. – 632 с.
6. Холодная М.А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. – 2-е изд. – СПб.: Питер, 2004. – 384 с.
7. Dai Tang. Read between the eyes: cognitive style difference between Americans and Chinese in a dual-display setting. Thesis for the Degree of Master of Science. – Cornell University, 2010. – 48 p.

УДК 81.574

Ярема Т.В.

Карагандинский экономический университет Казпотребсоюза

КАЗАХСКИЙ ЯЗЫК В СОВРЕМЕННОМ КАЗАХСТАНЕ

Аннотация

В статье рассматривается история функционирования казахского языка, расширение его социальных функций, затрагиваются проблемы его внедрения и развития в Казахстане.

Abstract

The article considers the history of functioning of Kazakh language, expansion of its social functions, its development in Kazakhstan.

Ключевые слова: государственный язык, многонациональное государство, национально-культурное многообразие, языковая политика, национальная политика

Key words: state language, multinational state, national-cultural variety, language policy, national policy

Казахский язык – государственный язык Республики Казахстан. Казахский язык входит в кыпчакскую подгруппу тюркских языков, а тюркские языки входят в состав алтайской языковой семьи. В казахском языке существуют три основных диалекта: западный, северо-восточный и южный [1]. Западный и северо-восточный диалекты появились в результате локального разобщения и родо-племенного объединения здешних казахов в течение веков. Южный диалект казахского языка, вследствие владычества Кокандского ханства на этих землях.

В многонациональном государстве Казахстан языковая политика является сложной из-за своеобразия национального состава и межнациональных отношений. Роль отдельных языков и их носителей в общественной жизни, многоязычие накладывают свой отпечаток на языковую ситуацию государства.

Вопрос внедрения и развития государственного языка в Казахстане до сих пор не является полностью решенным. Языковая проблема является одной из главных с момента обретения Казахстаном независимости. Языковая политика является составной частью национальной политики, это один из существенных аспектов языковой ситуации. Языковая политика определяет не только систему мер нормативного воздействия, обычно государства, на развитие языковых процессов, распространение языков по сферам социального взаимодействия, по разным уровням общения. Государственная языковая политика в нашей стране имеет глубокие корни [2]. В Казахстане наблюдается снижение грамотности как в русском, так и казахском языке. Надо решить сначала эту проблему. По мнению некоторых специалистов, сегодняшние достижения в изучении казахского языка преимущественно количественные. Считается, когда все казахи овладеют в полной мере казахским письмом, тогда и можно будет сказать, что пройден первый качественный этап освоения государственного языка в Казахстане [5].

История функционирования казахского языка как языка коренной нации и государственного языка весьма сложная. В советский период отмечалось значительное сужение функций казахского языка. Первый этап его развития начинается с 1991 по 1995 годы. Его целью было развитие этнической самобытности и сохранение национально-культурного многообразия Казахстана. На сегодняшний день происходит расширение социальных функций казахского языка и его статус закреплен в основном законе РК – Конституции Республики Казахстан, происходит расширение его социальных функций [3].

С момента принятия независимости Казахстан уделяет огромное значение развитию и поддержке государственного языка. Реализуется языковая политика, нацеленная на расширение сферы применения казахского языка [6].

В 2011 году была принята Государственная программа функционирования и развития языков. Главной целью программы является «...гармоничная языковая политика, обеспечивающая полномасштабное функционирование государственного языка как важнейшего фактора укрепления национального единства, при сохранении языков всех этносов, живущих в Казахстане».

На современном этапе статус казахского языка в качестве государственного языка, является актуальным. Несмотря на то, что государство многое делает для укрепления позиций государственного языка, все равно встает необходимость дальнейшего продолжения реализации комплекса мер по популяризации казахского языка.

Молодые ученые отмечают нехватку интернет-источников на казахском языке, низкое качество информации на государственном языке на многих веб-сайтах и недостаточно качественную работу сайтов, предоставляемых услуги по онлайн-переводу текстов на казахский язык [6].

В последнее время в Казахстане представители различных национальностей все больше и больше отдают своих детей в казахские детские дошкольные учреждения, школы. Все больше людей осознанно и со всей ответственностью относятся к изучению казахского языка это говорит том, что государственный язык в скором времени займет достойное

место. «Самое главное для нас — это единство и согласие в стране. Казахский язык получает свой необходимый статус постепенно. Планируется, что к 2020 году 95% населения страны будет знать государственный язык. Планомерное развитие государственного языка не будет происходить в ущерб русскому языку.

В настоящий момент наблюдается увеличение ведения делопроизводства и документооборота в государственных учреждениях до 78% по г.Алматы; ежегодный рост количества учащихся в казахских общеобразовательных школах (если на заре становления независимого Казахстана число учеников, обучающихся в казахских школах, по г.Алматы достигало порядка 8 тысяч, то в 2012 году – эта цифра превысила 74 тысячи)[6].

По словам президента РК Н. Назарбаева: «Казахстан — уникальная страна. В нашем обществе причудливо объединились и взаимодополняют, взаимоподпитывают друг друга самые разные культурные элементы». главным духовным стержнем для нашего народа является казахский язык. «Это главный бриллиант в короне суверенности нашего государства».

Изучение государственного языка влияет на национальную безопасность, социальную стабильность и интеллектуальную развитость страны. Сегодня казахский народ не проявляет чувство неприязни к другим этносам, а наоборот, объединяет свои усилия для сохранения мира и покоя на казахстанской земле. Казахстан является страной где развитие государственного языка, связано с развитием культуры всех национальностей нашей страны [7].

Популяризация казахского языка не будет причиной отчуждения разных этнических групп, населяющих казахстанскую землю. Возникнет противоположная тенденция, когда язык станет главным консолидирующим весь народ достоянием, прочным фундаментом для построения суверенного государства, основой единения всего народа страны.

Несмотря на то, что казахский язык является главным духовным стержнем для народа, казахстанский менталитет – это уважительное отношение ко всем традициям, культуре и языкам других наций проживающих в нашей многонациональной стране[7].

Библиографический список

1. Абдыгалиев Б. Государственная политика и межнациональные отношения в Республике Казахстан. Алматы, 1996.
2. Государственная программа функционирования и развития языков на 2001-2010 годы / Казахстанская правда, 17 февраля 2001 г.
3. Государственная программа функционирования и развития языков в Республике Казахстан на 2011-2020 годы. – Астана, 2011.
2. Закон РК «О языках в Республике Казахстан». -Астана: ИКФ «Фолиант», 2000.
4. Нысанбаева А. Языковая политика в Казахстане. «Казахстанский патриотизм должен перенять черты американского...». Интернет- ресурс.centrasia.ru/news.
5. Озаева О.В. Этнонациональное измерение языковой правовой политики: автореферат диссертации на соискание ученой степени к.ю.н., Ростов-на-Дону, 2008 28 с.
6. <http://e-history.kz/ru/contents/view/1753> © e-history.kz.
7. <http://www.gylymordasy.kz/rus/category/novosti/>